

Один из нас - следующий

Автор:

[Карен Макманус](#)

Один из нас - следующий

Карен М. Макманус

MustRead - Прочеть всем!Один из нас лжет #2

Добро пожаловать в «Бэйвью-Хай». Прошел год, и жители тихого пригорода постепенно оправляются от ужасных событий. Однако внезапно кошмар возвращается - в новом обличье. Кто-то неизвестный вовлекает старшеклассников в онлайн-игру «Правда или Вызов». В течение суток очередная жертва должна отправить ответ: что она выбирает. Правду? И все учащиеся школы узнают самый темный и постыдный из секретов игрока. Или Вызов? Тогда придется выполнить задание. Опасное задание... Когда погибает один из участников игры, его одноклассникам, Мейв, Фиби и Ноксу, становится ясно: эта смерть не была случайной. Но кто это подстроил и зачем? Они прекрасно понимают: вычислить организатора игры предстоит им самим. И как можно быстрее - пока смертей не стало больше...

Карен М. Макманус

Один из нас - следующий

Karen M. McManus

ONE OF US IS NEXT

© Karen M. McManus, 2020

© Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Посвящаю моим маме и папе

Часть I

Пятница, 6 марта

Репортер (стоит на фоне большого белого здания с лепниной): С вами Лиз Розен, служба новостей Седьмого канала. Я веду прямой репортаж из школы «Бэйвью-Хай». Вчера ее учащиеся были потрясены потерей одноклассника. Это уже вторая за последние полтора года трагическая смерть подростка в нашем городе, и жители Бэйвью испытывают ужасное чувство дежавю.

В кадре появляются две девушки – одна в слезах, другая с каменным лицом.

Плачущая девушка: Это просто... просто ужасно. Вам не кажется, что Бэйвью проклят? Сначала Саймон, а теперь вот...

Девушка с каменным лицом: На этот раз все произошло не так, как с Саймоном.

Репортер (подносит микрофон к плачущей девушке): Вы близко знали погибшего одноклассника?

Плачущая девушка: Не то чтобы близко-близко. То есть совсем не близко. И вообще я здесь новенькая.

Репортер (поворачиваясь к другой девушке): А вы?

Девушка с каменным лицом: Я думаю, что мы не обязаны говорить с вами об этом.

За два с половиной месяца до описываемых событий

Reddit, подфорум «Я мститель»

Тема открыта пользователем Бэйвью2020

Бэйвью2020:

Привет.

Это та самая группа, где Саймон Келлехер размещал посты?

Темный Дух:

Привет.

Она самая.

Бэйвью2020:

А зачем переехали? И почему сюда почти никто не пишет?

Темный Дух:

На старый сайт набежало слишком много журналистов и всяких придурков.

Теперь у нас новые правила безопасности. Усвоили урок нашего друга Саймона.

Который тебе знаком, судя по нику?

Бэйвью2020:

Саймона все знали. Я тоже. Хотя друзьями мы не были...

Темный Дух:

О'кей. И что привело тебя сюда?

Бэйвью2020:

Не знаю. Просто случайность.

Темный Дух:

Ври больше. Этот форум предназначен для тех, кто жаждет мести, его просто так не найдешь.

И ты здесь не без причины.

Тебя привело сюда что-то. Или кто-то.

Бэйвью2020:

Кто-то.

Кое-кто совершил кое-что ужасное.

Разрушил мою жизнь. И не только мою.

И пока с ним НИЧЕГО не случилось.

И я не в силах это изменить.

Темный Дух:

Аналогично.

У нас с тобой много общего.

Тошно, когда тот, кто разрушил твою жизнь, разгуливает вокруг как ни в чем не бывало.

И ему на тебя наплевать.

Однако я позволю себе не согласиться с твоими умозаключениями.

Всегда можно что-то предпринять.

Глава 1. Мейв

Понедельник, 17 февраля

Сестра считает меня неорганизованной. Не то чтобы она это прямо говорит – а точнее, пишет в сообщениях, – но явно подразумевает.

Ты изучила список колледжей, который я прислала?

Да, ты оканчиваешь школу лишь в следующем году, но не думай, что еще слишком рано. На самом деле уже поздно.

Если хочешь, можем посетить некоторые колледжи, когда я приеду домой на девичник Эштон.

Обязательно займись чем-то, что находится вне твоей зоны комфорта.

Как насчет Гавайского университета?

Я отрываюсь от сообщений на экране телефона и ловлю вопросительный взгляд Нокса Майерса.

– Бронвин предлагает мне поступать в колледж при Гавайском университете, – докладываю я.

Нокс едва не давится эмпанадой.

– Разве она не знает, что это на острове?

Он берет стакан воды со льдом и одним глотком осушает его наполовину. Кафе «Контиго» славится эмпанадами на весь наш город Бэйвью, но здесь представлен широкий выбор и для тех, кто не привык к острой пище. Например, для Нокса, который несколько лет назад приехал из Канзаса и до сих пор считает одним из своих любимых блюд грибную запеканку.

– Твоя сестра уже забыла, что ты ярая противница пляжей?

– Да никакая не противница, – возражаю я. – Просто я не любитель песка, яркого солнца, подводных течений. И морских гадов. – С каждым моим утверждением Нокс приподнимает брови все выше. – Кстати, не ты ли уговорил меня посмотреть «Монстров из бездны»? Моя океанофобия – по большей части твоих

рук дело.

Прошлым летом Нокс стал моим первым бойфрендом. Мы оба были неопытны и не сразу поняли, что наше взаимное притяжение не столь велико. Время мы проводили за просмотром канала «Наука» и, наверное, благодаря тому быстро сделали вывод, что лучше остаться просто друзьями.

– Ладно, убедила, – сухо отвечает Нокс. – Зато для тебя полезный урок. Теперь уж точно сможешь написать прочувствованное вступительное сочинение. Когда потребуется. – Он наклоняется вперед и повышает голос для убедительности: – То есть следующим летом!

Я вздыхаю, постукивая пальцами по яркой мозаичной столешнице. «Контиго» – аргентинское кафе; в воздухе витает смесь сладких и пряных ароматов, стены выкрашены в глубокий синий цвет, а потолок – в серебристо-белый. Кафе находится примерно в миле от моего дома, и с тех пор как Бронвин уехала в Йель и моя комната внезапно стала слишком тихой, я привыкла делать здесь домашние задания. Мне нравится его дружеская атмосфера, где никому нет дела до того, что я сижу в кафе три часа и заказываю только кофе.

– Бронвин считает, что я не знаю, чего хочу.

– Ну да, она-то сама чуть ли не с рождения нацелилась в Йель!.. У нас еще куча времени.

И мне, и Ноксу – семнадцать, мы старше большинства наших одноклассников в «Бэйвью-Хай». Он – потому что был маленького роста, и родители поздно отдали его в школу, а я половину детства провела в больницах из-за лейкемии.

Я протягиваю руку, чтобы поставить пустую тарелку Нокса на свою, и опрокидываю солонку. Белые кристаллики рассыпаются по столу. Почти на автомате я беру двумя пальцами щепотку и бросаю за плечо. Бабушка меня учила, что так можно отвести от себя несчастье. Она вообще суеверна: некоторые предрассудки привезла из Колумбии, другими обзавелась за тридцать лет жизни в Штатах. В детстве я все принимала на веру, особенно во время болезни. Если буду носить подаренный бабушкой браслет из бисера, обследование пройдет безболезненно. Если не наступлю ни на одну щель в полу, лейкоциты в крови будут в пределах нормы. Если на Новый год ровно в полночь

съем двенадцать виноградин, то в следующие двенадцать месяцев не умру.

– Во всяком случае, если ты не сразу пойдешь в колледж, конец света не наступит, – успокаивает меня Нокс, отводя со лба прядь каштановых волос. Он сидит за столом, ссутулившись – настолько худой и нескладный, что выглядит голодным даже после того, как умял все свои эмпанады и половину моих. Стоит Ноксу прийти к нам домой, как мои родители пытаются его накормить. – Не все же продолжают учиться после школы. – Он обводит кафе взглядом и останавливается на Эдди Прентис, которая как раз вышла с подносом из кухни.

Эдди с профессиональной легкостью лавирует между столиков, разнося заказы. На День благодарения телешоу «Следствие ведет Мигель Пауэрс» выпустило в эфир специальный репортаж «Четверка из Бэйвью: что с ними стало». Тогда Эдди впервые согласилась на интервью. Вероятно, причина была в том, что продюсеры уготовили ей роль самой неудачливой из четверых – моя сестра поступила в Йель, Купер получает стипендию в Университете штата Калифорния в Фуллертоне, даже Нейт проходит курс обучения в местном колледже, и только Эдди ничего не добилась. Однако Аделаида Прентис не могла допустить заголовков типа «Бывшая королева красоты из школы «Бэйвью-Хай» скатилась с Олимпа».

– Если ты знаешь, чем хочешь заниматься после окончания школы, великолепно, – заявила она, сидя на барном стуле в «Контиго» на фоне меню, написанного на доске цветными мелками. – А если нет, зачем выкладывать круглую сумму за диплом, который, возможно, никогда и не пригодится? Вовсе не обязательно в восемнадцать лет составлять план на всю жизнь!

Или в семнадцать. Я украдкой поглядываю на телефон в ожидании очередного шквала сообщений от Бронвин. Я люблю сестру, но считаю ее перфекционизм абсолютно недостижимым.

В кафе начинается вечерний наплыв посетителей и свободных мест почти нет; тем временем все телевизоры переключают на бейсбол – сегодня в Фуллертоне открытие сезона. Эдди замирает на секунду с почти пустым подносом, обводит взглядом помещение и улыбается, встретившись со мной глазами, затем подходит и ставит перед нами тарелочку с альфахорес. Сладкие сэндвичи пользуются в «Контиго» особым спросом, а еще это единственное блюдо, которое Эдди научилась готовить за девять месяцев работы в кафе.

Мы с Ноксом одновременно хватаем по печенью.

– Ребята, хотите что-нибудь еще? – спрашивает Эдди, заправляя за ухо золотисто-розовую прядку. За год она перепробовала несколько вариантов мелирования, но прижились только розовые и пурпурные оттенки. – Если да, заказывайте сейчас. Потом у всех будет перерыв. Купер вступает в игру, – она бросает взгляд на настенные часы, – минут через пять.

Я мотаю головой. Нокс встает и отряхивает крошки со своей любимой серой толстовки.

– Я ничего больше не хочу – только в туалет. Мейв, поддержишь мое место?

– Конечно. – Я перекидываю сумку на его стул.

Эдди поворачивается и едва не роняет поднос.

– Боже мой! Это он!

На всех экранах одна и та же картинка: Купер Клей идет к питчерской горке на разминку перед своей первой игрой в колледже. Я видела Купера на Рождество, меньше двух месяцев назад, однако сейчас он выглядит словно крупнее. Такой же красавец с мощной челюстью, а в глазах появился стальной блеск, которого прежде я не видела. Впрочем, я всегда наблюдала подачи Купера только с большого расстояния.

В кафе шумно, и слов комментатора невозможно разобрать, но догадаться легко: дебют Купера стал темой номер один для местных любителей бейсбола. Повышенный интерес вызван тянущимся за знаменитой Четверкой из Бэйвью шлейфом популярности и тем фактом, что Купер является одним из немногих открытых геев среди бейсболистов. А еще тем, что на весенних тренировках он просто творил чудеса. Спортивные аналитики заключают пари: Купер попадет в Лигу еще до окончания первого сезона в колледже.

– Наша суперзвезда летит навстречу судьбе! – с гордостью говорит Эдди. На экране Купер поправляет бейсболку. – Обойду свои столики, а потом присоединюсь к вам. – Она идет через зал с подносом под мышкой и блокнотом в

руке. Внимание посетителей уже переключилось с еды на бейсбол.

Мой взгляд устремлен на экран, хотя вместо Купера показывают интервью с тренером команды противника. Если Купер победит, этот год закончится хорошо. К черту подобные мысли! Я не смогу получить удовольствие от игры, одновременно заключая очередное пари с судьбой.

Рядом раздается звук передвигаемого стула, и моей руки касается рукав знакомой кожаной куртки.

– Как дела, Мейв? – Нейт Маколи усаживается рядом и тут же замечает рассыпанную соль. – Ничего себе! У нас погром? Не к добру это.

– Ха-ха, – отвечаю я.

С тех пор как около года назад Нейт и Бронвин начали встречаться и он фактически стал мне как брат, я привыкла к его подколкам и воспринимаю их нормально даже сейчас, когда пара «взяла перерыв», в третий раз с отъезда Бронвин на учебу. Проведя прошлое лето в страхе и переживаниях, как повлияет на их отношения расстояние в три тысячи миль, сестра и ее бойфренд выработали схему: неразлучны-поссорились-расстались-снова помирились. И схема, как ни странно, работает.

Нейт молча ухмыляется, и мы замолкаем – нам обоим хорошо. Я люблю проводить время с ним, и с Эдди, и со всеми друзьями Бронвин. «Наши друзья», – говорит сестра, но это не совсем верно. Они стали сначала ее друзьями и не стали бы моими без нее.

Словно в ответ на мои мысли, подает голос телефон, и на экране появляется очередное сообщение от Бронвин.

Игра началась?

Вот-вот. Купер разминается.

Ну почему у нас нельзя смотреть трансляции вашего спортивного канала? Хочу!!!

Да, наш местный канал нельзя поймать в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. А можно только в радиусе не более трех часов езды от Сан-Диего.

Я записываю для тебя.

Знаю. Но это не то.

Прости:(

Я проглатываю последнее печенье, наблюдая, как на экране мигают серые точки. Следующее сообщение никак не появляется, и я догадываюсь, о чем оно будет. Бронвин печатает со скоростью молнии и медлит, только если боится сделать что-то необдуманное. А сейчас в списке тем, которые лучше не поднимать, всего один пункт.

Нейт здесь?

Ну вот, угадала. И пусть сестра сейчас далеко, это не мешает мне немного пошутить над ней.

Я печатаю в ответ Кто? и поворачиваюсь к Нейту.

- Бронвин передает тебе привет.

Его темно-голубые глаза вспыхивают, но лицо остается бесстрастным.

- Ей от меня тоже.

Попался! Не важно, насколько дорог тебе человек – все меняется, если вас вдруг разносит в разные стороны. Однако у нас с Нейтом не тот характер, чтобы говорить о своих чувствах, так что я просто корчу ему рожу:

- Сдерживать эмоции вредно для здоровья.

Ответить Нейт не успевает. Вокруг начинается суета: вернулся Нокс, за столик подсаживается Эдди со своим стулом, а передо мной материализуется блюдо

кукурузных чипсов с мясом, расплавленным сыром и соусом чимичурри – версия начос, которую готовят в «Контиго».

Я смотрю в направлении, откуда появилось блюдо, и натываюсь на пару темно-карих глаз.

– Закуска к игре, – говорит Луис Сантос, перемещая полотенце с руки на плечо. Луис – лучший друг Купера по «Бэйвью-Хай» и его кэтчер в бейсбольной команде школы. Кафе «Контиго» владеют его родители, а сам Луис работает здесь несколько часов в день и параллельно учится в колледже. С тех пор как угловой столик в кафе стал для меня вторым домом, я вижу Луиса чаще, чем многих других.

Нокс набрасывается на еду так, будто не он умял только что две порции эмпанад и тарелку печенья.

– Осторожно, горячее, – предупреждает Луис, опускаясь на стул напротив меня. Вот и пожалуйста, говорю себе я. Увы, у меня слабость к красивым накачанным спортсменам. Как у двенадцатилетней девчонки. И я ничему не научилась даже после того, как в первый год учебы неразделенная страсть к одному баскетболисту стоила мне унижительного поста в блоге Саймона Келлехера «Про Это».

Я не особо голодна, но все же извлекаю ломтик чипсов из глубины блюда и слизываю соль с уголка.

– Спасибо, Луис!

Нейт ухмыляется.

– Мейв, ты что-то говорила о сдерживании эмоций?

Я краснею, заталкиваю в рот ломтик целиком и агрессивно жую, уставившись Нейту в лицо. Порой ума не приложу, что нашла в нем моя сестра.

Тьфу ты, совсем забыла про сестру!.. Хватаю телефон, чувствуя укор совести, виновато смотрю на вереницу печальных эмодзи и спешу исправиться:

Я пошутила. Нейт сидит здесь весь несчастный.

Несчастливым он не выглядит, потому что никто не носит маску в стиле «а мне наплевать» так успешно, как Нейт Маколи. Хотя я-то догадываюсь, что у него внутри.

Фиби Лоутон, еще одна официантка и моя одноклассница, расставляет стаканы с водой и присаживается рядом. На экране первый бэттер команды противника не спеша идет к основной базе. Камера показывает крупным планом лицо Купера: он поднимает руку в перчатке и прищуривается.

– Давай, Куп, – шепчет Луис, инстинктивно сгибая руку, будто на нем кэтчерские перчатки. – Сделай игру!

Двумя часами позже все кафе наполняют взволнованные крики. Купер сыграл почти безупречно: восемь аутов, один проход до первой базы, одно попадание и ни одной перебежки за семь иннингов. «Титаны Фуллертон» выигрывают со счетом три-ноль, и никто в Бэйвью особо не расстраивается, что Купера сменил запасной питчер.

– Я так счастлива за Купера! – Эдди просто сияет. – Он заслуживает всего самого лучшего после... ну, ты знаешь, – ее улыбка гаснет, – после всего.

После всего. Это еще мягко сказано. Почти полтора года назад Саймон Келлехер устроил спектакль из собственной смерти, да так, что подозрения пали на мою сестру, Купера, Эдди и Нейта. На День благодарения телешоу «Следствие ведет Мигель Пауэрс» показало специальный репортаж, восстановив события во всех ужасных деталях – от хитрости, позволившей оставить всех нас после уроков, до разоблачения наших тайн в приложении «Про Это» с целью создать впечатление, что у каждого из четверки есть причина желать смерти Саймона.

Мы с Бронвин смотрели репортаж вместе, когда она приезжала домой на выходные. Я будто перенеслась на год назад, когда произошедшее стало событием национального масштаба и у нашего дома каждый день дежурили телевизионщики. Всей стране стало известно, что Бронвин украла результаты тестов по химии и получила оценку «А», что Нейт продавал наркотики, находясь на испытательном сроке за продажу наркотиков, что Эдди изменила своему

бойфренду Джейку, который оказался таким законченным подонком, что согласился стать сообщником Саймона. А на Купера сначала повесили ложное обвинение в употреблении стероидов, а затем разоблачили как гея, когда он еще не был готов открыться своей семье и друзьям.

Но весь этот кошмар не мог сравниться с подозрением в убийстве.

Следствие почти что пошло по разработанному Саймоном плану, вот только Бронвин, Купер, Эдди и Нейт объединились, вместо того чтобы топить друг друга. А если бы они поступили иначе? Сомневаюсь, чтобы Купер стал героем в своей первой игре за колледж; Бронвин вряд ли поступила бы в Йель; Нейт, вероятно, угодил за решетку, а Эдди... Даже думать не хочется, что стало бы с ней. Потому что ее могло вообще не быть на свете.

Я вздрагиваю. Луис ловит мой взгляд и решительно поднимает стакан, чтобы не позволить испортить триумф своего лучшего друга.

– Ну, за судьбу? За Купера! За то, что надрал всем задницы в первой же игре!

– За Купера! – подхватывают остальные.

– Мы собираемся съездить к нему! – Эдди тянется через стол и хлопает Нейта по плечу – он уже начал прикидывать, как побыстрее смыться. – Тебя это тоже касается.

– Вся наша бейсбольная команда поедет, – добавляет Луис.

Нейт покорно кивает. Эдди – это стихийное бедствие; если задумала что-то, ее не остановить.

Фиби пересаживается поближе к нам с Ноксом – игра затягивается, остальные разбрелись по залу – и наливает себе воды.

– Вам не кажется, что Бэйвью без Саймона стал другим... и в то же время остался прежним? – говорит она так тихо, что слышим только мы с Ноксом. – Хотя люди оправились от шока, лучше не стали. Разве что мы больше не читаем «Про Это» и не следим, кто что натворил за последнюю неделю.

Некоторое время после смерти Саймона сайты-двойники появлялись, как грибы после дождя. Большинство из них сами собой загнулись через несколько дней, хотя один, под названием «Саймон говорит», прошлой осенью продержался почти месяц, пока не вмешалось руководство школы и не прикрыло его. Впрочем, этот сайт никто не принимал всерьез, поскольку его создатель – один из тихонь, с которым другие не общались, – не смог запостить ни одной новой сплетни.

Вот в чем феномен Саймона Келлехера: он знал о людях такое, чего никто и вообразить не мог. И никогда не спешил, стараясь обострить любую ситуацию и причинить максимум боли. А еще Саймон умело скрывал свою ненависть ко всем в «Бэйвью-Хай»; единственным местом, где он позволял себе выговориться, был форум «Я мститель» – тот самый, который я отыскивала в попытках разгадать тайну его смерти. Тогда меня буквально тошнило от постов Саймона. До сих пор иногда дрожь берет от мысли – как мало понимал любой из нас, что значит противостоять такому блестящему уму.

События могли бы принять совсем другой оборот.

– Эй! – Нокс толкает меня, возвращая к реальности. Мы так и сидим втроем, вспоминая Саймона; я и не думала, что мои одноклассники до сих пор под впечатлением тех событий. – Не переживай. Все в прошлом.

– Ты прав, – соглашаюсь я.

Внезапно собравшиеся в кафе разом издают громкий стон. Лишь через минуту я осознаю смысл происходящего, и мое сердце падает: запасной питчер в конце девятого иннинга позволил команде противника оккупировать все три базы, счет сравнялся, и новый питчер сдал игру. «Титаны» за одну пробежку лишились всего, что завоевали за три. Команда противника сбегается на домашнюю базу обнимать хиттера, пока не образуется куча мала. Купер, несмотря на свою божественную игру, не получит награду.

– Не-е-е-ет! – стонет Луис, уронив голову на руки. – Продули, мать вашу! Позор!

Фиби вздрагивает.

– Как же не повезло... Но Купер не виноват!

Я ищу глазами единственного человека за столом, на которого могу рассчитывать, – то есть Нейта. Вот кто знает, что мне нужно. Он переводит взгляд с моего напряженного лица на рассыпанную по столу соль, будто знает о тайном пари, которое я заключила сама с собой. И я могу прочесть его мимику так безошибочно, будто он говорит вслух.

Не придавай значения, Мейв. Это всего лишь игра.

Он прав, разумеется. И все же, все же... Я так желала Куперу победы!

Глава 2. Фиби

Вторник, 18 февраля

Конечно, я понимаю, что мама не играет в куклы. Но сейчас утро, я еще толком не проснулась и не успела надеть контактные линзы. Поэтому, вместо того чтобы сощуриться, я наклоняюсь над кухонным столом и спрашиваю:

– Что это у нас за игрушки?

– Фигурки на свадебный торт, – отвечает мама, забирая одну из кукол у моего двенадцатилетнего брата Оуэна.

Я подношу ее поближе к глазам. Ого! Невеста, вся в белом, обхватила ногами талию жениха. А сколько вожделения некий непризнанный художник умудрился запечатлеть на лицах крошечных фигурок!

– Классно! – Как я сразу не догадалась, что все это свадебные аксессуары! На прошлой неделе наша кухня была завалена образцами приглашений, а до того авторскими цветочными композициями, которые обычно ставятся в центре стола.

– В коллекции всего одна в таком духе, – говорит мама, как бы оправдываясь. – Я считаю, нужно ориентироваться на вкусы потребителей, а вкусы бывают разные.

Можешь положить фигурку обратно? – Она кивком показывает на картонную коробку, наполненную обрезками застывшей монтажной пены.

Я опускаю сладкую парочку внутрь, затем беру из шкафчика возле раковины стакан, наливаю воды из крана и с жадностью выпиваю.

– А что, люди до сих пор ставят такое на торты?

– Это образцы, из «Голден рингс», – говорит мама. С тех пор как она начала работать в агентстве по организации свадеб, коробки с подобным барахлом появляются в нашей квартире каждые несколько недель. Мама делает фото, отмечает, что ей нравится, а затем снова упаковывает и отправляет своим коллегам. – Некоторые из них просто прелесть! – Она показывает другую фигурку – силуэты жениха и невесты, кружащихся в вальсе. – Как тебе?

Я достаю две последние вафли из открытой пачки «Эгго» и запихиваю в тостер.

– По-моему, такие штуки не в стиле Эштон и Эли. Они смотрят на жизнь проще.

– Порой некоторые не знают, чего хотят, пока сами не увидят, – настаивает мама. – Моя работа отчасти в том и заключается, чтобы открыть людям глаза, убедить попробовать что-то новое.

Бедная Эштон!.. Мы познакомились со старшей сестрой Эдди прошлым летом, когда переехали сюда. Эштон – просто золотая соседка: всегда подскажет, какую готовую еду выбрать, какая стиральная машина не глотает монетки, а еще она приносит нам билеты на концерты – работает художником-оформителем в Калифорнийском центре искусств. Эштон понятия не имеет, на что подписалась, согласившись помочь маме подзаработать на оказании дополнительных услуг. Всего-то добавить «несколько деталей» для ее будущей свадьбы с Эли Кляйнфельтером!

Мама несколько увлеклась и вышла за рамки. Ей хочется произвести хорошее впечатление, тем более что Эли стал популярной в городе фигурой. Он тот самый адвокат, который защищал Нейта Маколи, ложно обвиненного в убийстве Саймона Келлехера, и теперь частенько дает интервью в связи с тем или иным громким делом. Пресса ухватилась за тот факт, что Эли женится на сестре девушки из знаменитой Четверки, и много пишет о его предстоящей свадьбе.

Для мамы это означает бесплатную рекламу, включая упоминание в «Сан-Диего трибюн» и расширенную публикацию в декабрьском номере «Бэйвью блейд», которая после разоблачения Саймона превратилась в рассадник сплетен. Разумеется, там подали информацию под максимально драматичным заголовком: «После невозполнимой потери вдова занялась развлекательным бизнесом».

А ведь нам и без их напоминаний приходится несладко!

Тем не менее мама уже вложила в подготовку к свадьбе больше энергии, чем во все остальные проекты, которыми занималась в последние годы, и я должна быть благодарна Эштон и Эли за их безграничное терпение.

– У тебя завтрак горит, – невозмутимо объявляет Оуэн с набитым ртом.

– Черт! – Я выхватываю вафли и вскрикиваю от боли, коснувшись пальцами горячего металла. – Мам, может, все-таки купим новый тостер? Этот уже совсем не годен. Раскаляется докрасна за полминуты.

Мама сдвигает брови и принимает озабоченный вид – как всегда, стоит кому-то из нас упомянуть о денежных расходах.

– Знаю. Но может, сначала попробовать почистить старый? Представляете, сколько хлебных крошек скопилось внутри за десять лет?

– Я почищу, – вызывается Оуэн, поправляя очки. – А если не поможет, разберу на части. Клянусь, я сумею!

Я рассеянно улыбаюсь ему.

– Не сомневаюсь, умник. Как я раньше не догадалась тебя попросить?

– Оуэн, я не хочу, чтобы ты играл с электричеством, – протестует мама.

– Я не собираюсь играть! – обижается брат.

Хлопает дверь; моя старшая сестра Эмма выплывает из нашей комнаты и направляется в кухню. Вот к чему я никогда не привыкну в этой квартире: здесь один-единственный этаж, и всегда знаешь, кто где в данный момент находится. Не то что в нашем прежнем доме – у каждого была отдельная спальня, а еще общая гостиная, и кабинет, который в конце концов превратился в игровую комнату для Оуэна, и папина мастерская на цокольном этаже...

Плюс к тому у нас был папа.

Эмма натывается взглядом на пластиковые фигурки в свадебных нарядах, загромоздивших кухонный стол.

– Люди до сих пор ставят такое на торты?

– Твоя сестра задала тот же вопрос, – говорит мама. Она постоянно выискивает в нас с Эммой похожие черты, будто каждое лишнее напоминание каким-то образом вернет нам бывшие сестринские чувства.

Эмма бормочет что-то и подходит ближе, но я сижу, по-прежнему уставившись на свой завтрак.

– Ты могла бы пропустить меня? – вежливо спрашивает она. – Мне нужен блендер.

Я сдвигаюсь в сторону. Оуэн выхватывает со стола фигурку невесты с ярко-рыжими волосами.

– Эмма, смотри, вылитая ты!

У всех нас рыжие волосы, но в разных оттенках: у Эммы золотисто-каштановые, у меня бронзовые с медным отливом, а Оуэн – рыжеватый блондин. Но вот уж кто действительно выделялся в толпе своей шевелюрой апельсинового цвета, так это наш отец. В старших классах у него даже было прозвище Чито. Как-то мы вместе пошли в фуд-корт в нашем молле, и отец отлучился в туалет, а когда вернулся, то обнаружил, что пожилая пара с подозрением изучает мою темноволосую смуглую маму и ее троих рыжих и светлокожих детей. Папа положил маме руки на плечи и объявил, широко улыбаясь:

– Видите? Мы одна семья!

А кто мы теперь, спустя три года после его смерти? Каждый сам по себе.

Если меня спросить, в какое время дня моя сестра чаще всего не в духе, я бы затруднилась ответить. С недавних пор Эмма вообще мало чему радуется. Однако по утрам мы подвозим в школу мою подругу Джулс, и эти четверть часа однозначно попадают в первую тройку.

– Я в шоке! – Джулс, запыхавшись, забирается на заднее сиденье нашей старенькой «Короллы» и сбрасывает рюкзак. Я поворачиваюсь к ней, и подруга срывает солнечные очки, устремив на меня полный презрения взгляд. – Фиби, это некрасиво!

– Что? Почему? – недоуменно спрашиваю я и начинаю ерзать на сиденье, поправляя перекосившуюся юбку. Годы проб и ошибок не прошли даром – я наконец подобрала для себя гардероб, наиболее подходящий для фигуры: короткая пышная юбка, желательна с ярким крупным рисунком; топ насыщенного цвета с V-образным вырезом или с глубоким декольте; ботильоны на наборном каблуке.

– Пристегнись, пожалуйста, – напоминает Эмма.

Джулс защелкивает ремень, по-прежнему свирепо глядя на меня.

– Сама знаешь.

– Понятия не имею.

Эмма отъезжает от бордюра. Джулс живет в довольно скромном разноуровневом доме, всего в одном квартале от нашего старого жилища. Наши прежние соседи, по большому счету, не из самых состоятельных жителей Бэйвью, однако молодожены, которым мама продала дом, были в восторге от того, что именно здесь начнут совместную жизнь.

Джулс трагически широко распахивает зеленые глаза, особенно выразительные на фоне ее смуглой кожи и темных волос.

- Нейт Маколи был вчера в «Контиго», а ты мне даже сообщения не послала!

- Ах, вот ты о чем... - Я включаю радио погромче, и мою невнятную реплику заглушает последний хит Тейлор Свифт.

Джулс всегда питала слабость к Нейту - она вообще имеет привычку западать на красивых хулиганистых парней, - однако никогда не рассматривала его как потенциального бойфренда, пока с ним не начала встречаться Бронвин Рохас. Теперь она, как стервятник, нарезает круги над Нейтом, а у меня возник «конфликт лояльности», потому что с самого начала работы в кафе я подружилась с Эдди, которая, само собой, состоит в команде Бронвин.

- Он никогда нигде не тусуется, - стонет Джулс. - Черт, я такую возможность упустила!.. И ты еще называешься подругой, Фиби-Джиби! Это нечестно! - Она достает блеск для губ с винным оттенком и подается вперед, чтобы лучше рассмотреть себя в зеркале заднего вида. - Ты его видела. Как считаешь, у них с Бронвин все?

- Похоже на то. А вообще трудно сказать. Он ни с кем толком не общался, кроме Мейв и Эдди. В основном с Эдди.

Джулс поджимает губы с выражением легкой паники.

- Ужас! Ты думаешь, они теперь пара?

- Нет. Быть того не может. Они просто друзья. Джулс, не каждая девчонка считает Нейта неотразимым.

Подруга опускает блеск для губ в сумку и со вздохом поворачивается к окну.

- Ты-то откуда знаешь? Он такой горячий, я просто умираю.

Эмма останавливается на светофоре, трет глаза и протягивает руку к радиоприемнику.

– Я убавлю громкость. Голова раскалывается.

– Плохо себя чувствуешь? – спрашиваю я.

– Просто устала. Вчера допоздна занималась репетиторством с Шоном Мердоком.

– Неудивительно, – говорю я себе под нос. Если задаться целью найти представителей разумной жизни в предпоследнем классе «Бэйвью-Хай», Шона Мердока среди них не окажется. Зато у его родителей есть деньги, и они охотно платят Эмме за услуги репетитора – а вдруг ее трудолюбие или отличные оценки каким-то образом передадутся Шону?

– Эмма, а может, и мне нанять тебя? – размышляет Джулс. – С химией в этом семестре полный завал. Что делать, ума не приложу. Разве что украсть результаты тестов, как Бронвин Рохас.

– Бронвин пришлось все пересдавать, – напоминаю я.

– Не защищай ее! – Джулс, надув губы, пинает ногой мое сиденье. – Она разрушила мою любовь.

– Если ты серьезно насчет репетиторства, у меня в расписании есть окно в эти выходные, – предлагает Эмма.

– Химия в выходные? – с возмущением восклицает Джулс. – Нет уж, спасибо.

– Как скажешь, – выдыхает сестра с некоторым облегчением, будто ничего другого от Джулс и не ожидала. – Мое дело предложить.

Эмма всего на год старше меня и Джулс, но часто кажется ближе по возрасту к Эштон Прентис, чем к нам. Сестре никто не даст ее семнадцати лет; Эмма ведет себя так, будто ей двадцать пять и она учится не в выпускном классе, а готовится получать диплом магистра. Даже сейчас, когда заявления о приеме в колледж отправлены и остается лишь ждать ответа, не может расслабиться.

Остаток пути мы молчим. Едва Эмма сворачивает на парковку, на мой телефон приходит сообщение: Встретимся под трибунами?

Нет. Я опаздываю! И хотя мозг напоминает, что в этом месяце я получила два последних предупреждения, пальцы все равно печатают: ОК. Я засовываю телефон в карман и толкаю пассажирскую дверь еще до остановки машины. Сестра удивленно приподнимает брови.

- Мне нужно заскочить на футбольное поле.

Я закидываю рюкзак на плечо, не отпуская ручку двери.

- Зачем? Тебе нельзя больше опаздывать, - говорит Эмма, прищурив светлокариые глаза. Такие же, как у папы. Наряду с рыжими волосами это единственное, что у нас с ней общее. Сестра высокая и худая, а я маленькая и с пышными формами. У нее прямые волосы до плеч, у меня длинные и вьющиеся. На солнце она покрывается веснушками, а я - ровным загаром. Однако сейчас, в феврале, у обеих бледная кожа; я чувствую, как невольно краснею, и опускаю голову.

- Э-э... насчет домашнего задания...

Джулс выходит из машины и хихикает.

- Теперь это так называется?

Я разворачиваюсь на каблуках и поспешно ретируюсь, спиной чувствуя осуждающий взгляд сестры - словно тяжелая накидка повисла на плечах. Эмма всегда считалась серьезнее меня. Мы были с ней так близки, что даже приучились вести разговоры без слов. Мама в шутку называла нас телепатками. Мы знали друг друга настолько хорошо, что могли читать мысли по выражению лица.

Несмотря на разницу в возрасте, с Оуэном мы тоже были близки. Папа часто называл нас троих «Амиго». На всех детских фото Амиго позировали одинаково: Оуэн в центре, а мы с Эммой по бокам от него, сцепив руки и широко улыбаясь. Как неразлучная троица! Тогда я верила, что мы и правда неразлучны. В голову не приходило, что только папа был связующим звеном.

Мы начали отдаляться друг от друга постепенно, и поначалу я ничего не заметила. Первой откололась Эмма, зарывшись с головой в учебу. «У нее свой способ переживать», – говорила мама, и я не трогала сестру, хотя мне-то хотелось переживать вместе! Пришлось искать замену – удариться в общественные дела и проводить больше времени вне дома, особенно когда мной начали интересоваться молодые люди, в то время как Оуэн нашел утешение в видеоиграх и ушел в мир фантазий. На фото с прошлого Рождества мы стоим втроем под елкой с натянутыми улыбками, выстроившись по росту и вытянув руки по швам. Представляю, как огорчился бы папа.

А еще больше он огорчился бы, узнав, что случилось после, на вечеринке у Джулс. Вести себя со старшей сестрой как чужой человек – одно дело, а натворить то, что натворила я... совсем другое. И если раньше я чувствовала тягостное одиночество, когда думала об Эмме, то теперь лишь вину. А еще облегчение – от того, что она больше не способна читать мои мысли по лицу.

– Привет! – Погрузившись в размышления, я не замечаю, что иду прямо навстречу столбу – еще немного, и могла бы лоб расшибить, но меня вовремя останавливают. А затем хватают и резко тянут вперед, так что телефон вываливается из кармана и с глухим стуком падает в траву.

– Черт... – начинаю я.

Брэндон Уэбер впивается губами в мои и не дает произнести больше ни слова. Ядвигаю плечами из стороны в сторону, пока рюкзак не оказывается на земле рядом с телефоном. Брэндон выдергивает мою блузку из-под пояса юбки, и поскольку на сто процентов ясно, зачем мы встретились, я в процессе помогаю ему.

Брэндон скользит ладонями вверх по моей обнаженной коже и забирается под бюстгальтер.

– Ты такая сексуальная...

Он тоже. Брэндон – куортербек футбольной команды; газетенка «Бэйвью блейд» любит называть его «новый Купер Клей». Играет достаточно сильно, и колледжи уже положили на него глаз. Однако, по-моему, сравнение неуместное. Во-первых, Купер – игрок более высокого уровня, а во-вторых, парень что надо. А

Брэндон, по правде говоря, тот еще типчик.

Хотя целоваться умеет. Стоит ему прижать меня к столбу, как все напряжение исчезает и по телу от предвкушения удовольствия пробегают искры. Я обнимаю его за шею одной рукой, пытаюсь заставить наклониться ближе ко мне, а другой тереблю ремень джинсов. Но тут нога на что-то наталкивается, и рингтон текстового сообщения возвращает меня к реальности.

- Мой телефон... - Я отстраняюсь от Брэндона. - Мы его сейчас раздавим.

- Я тебе новый куплю. - Он касается языком моего уха, что мне категорически не нравится. И почему парни вбили себе в голову, что это возбуждает? Я начинаю вырываться; Брэндон нехотя отпускает меня. Тут и из его кармана раздается позвякивание, и я замечаю, что джинсы моего бойфренда выпячиваются спереди. Я поднимаю телефон, с усмешкой спрашивая:

- Это сообщение или ты так рад меня видеть? - Затем снимаю блокировку экрана... и воздух выходит у меня из легких. - Это что, шутка? Опять?

- Ты о чем? - Брэндон лезет в карман.

- Сообщение с неизвестного номера. И знаешь, что пишут? - Я читаю с выражением: - «Вы тоже соскучились по блогу Саймона «Про Это»? Как я вас понимаю! Начнем новую игру?» Не могу поверить, чтобы кто-то запустил эту хрень после предупреждения директора Гупты!

Брэндон пробегает глазами по экрану своего телефона.

- У меня то же самое. Видишь ссылку?

- Ага. Не открывай! Вдруг там вирус или...

- Поздно, - смеется Брэндон. Он читает, прищурившись, а я рассматриваю его, глядя снизу вверх: рост больше шести футов, русые волосы, глаза голубые с зеленоватым отливом, а губы... м-м... настолько полные, что за них любая девушка убить может. Он фантастически красив, кажется - возьмет и исчезнет в любой момент, улетит с дуновением ветра... И он знает об этом, как никто

другой. – Ни фиги себе, тут целый трактат.

– Дай взгляну. – Я выхватываю у него телефон. На своем я эту ссылку открывать не намерена. Поворачиваю экран от солнца, чтобы лучше разглядеть. Вебсайт – убогая копия «Про Это», с похожим логотипом. Ниже большой текст:

Внимание, «Бэйвью-Хай»! Сначала я объясню вам правила. Наша игра называется «Правда или Вызов». Я отправляю приглашение одному из вас – и если это ты, НИКОМУ не рассказывай! В игре должен быть элемент неожиданности. Не надо спойлерить – это меня огорчает. А когда я огорчаюсь, добра не ждите. Итак, у тебя есть 24 часа, чтобы сделать выбор. Если ты выбираешь Правду, я раскрываю один из твоих секретов. Если принимаешь Вызов, я даю тебе задание. В любом случае мы немного развлечемся и внесем разнообразие в наше унылое существование.

Брэндон приглаживает свои шикарные густые волосы.

– Твое, может, и унылое. А за нас не решай, лузер.

Я хмурюсь.

– Как думаешь, он разослал это каждому? Все будут молчать, если не хотят лишиться телефонов. – Прошлой осенью директор Гупта прикрыла последний сайт-двойник и объявила, что отныне вводится политика нулевой толерантности: если она увидит хоть один намек на очередной блог «Про Это», навсегда запретит пользование телефонами в школе. И любой, кто попадетсся, будет исключен.

С того момента мы стали образцовыми гражданами – по крайней мере, больше не распространяем сплетни в онлайн. Ведь никто и помыслить не может, как обойтись в школе без телефона хотя бы один день – не говоря уж про годы!

– Да наплевать. Этим секретам сто лет в обед, – небрежно бросает Брэндон и кладет трубку в карман. Затем обнимает меня за талию и привлекает к себе. – Так на чем мы остановились?

Ответить я не успеваю. Мой телефон, прижатый к груди Брэндона, издает рингтон. Я откидываю голову назад, чтобы посмотреть на экран. Снова сообщение от неизвестного абонента. Хотя из кармана Брэндона не доносится ни звука.

Фиби Лоутон, ты первая! Выбор за тобой: или я раскрываю Правду, или ты принимаешь Вызов.

Глава 3. Нокс

Среда, 19 февраля

Я смотрю на стойки с одеждой в отделе распродаж с экзистенциальным ужасом. Ненавижу торговые центры. Слишком светло, слишком шумно, слишком много никому не нужного барахла. Когда приходится здесь бывать, я начинаю думать, что культура потребления есть не что иное, как затяжное помрачение рассудка, убивающее планету, и вообще все мы рано или поздно умрем. А пока что залпом допиваю свой кофе со льдом за шесть долларов, потому что я и сам добровольный участник этого фарса, и как раз подходит моя очередь.

– С вас сорок два шестьдесят, молодой человек, – говорит женщина за кассой.

Я покупаю новый кошелек для мамы. Надеюсь, ей понравится. Потому что хотя я и получил исчерпывающие письменные указания, но так и не могу понять, чем эта вещица отличается от десятка других подобных черных кошельков. Я слишком долго выбирал. и теперь опаздываю на работу.

Впрочем, наверное, это не имеет значения, поскольку я работаю в качестве стажера у Эли Кляйнфельтера бесплатно. По правде говоря, Эли меня обычно и вовсе не замечает. Тем не менее я ускоряю шаг. За зданием молла тротуар постепенно сужается и, наконец, совсем сходит на нет. Я воровато озираюсь по сторонам, чтобы убедиться в отсутствии свидетелей, и подхожу ближе к хилому забору из металлической сетки, окружающему заброшенную стройплощадку.

Здесь планировали возвести новый подземный гараж, для чего потребовалось частично скрыть холм позади молла, но фирма-подрядчик обанкротилась вскоре после начала работ. Несколько других строительных компаний, включая фирму моего отца, претендуют на то, чтобы перехватить подряд. А пока недострой перекрывает путь от молла к «Бэйвью-центру», и люди вынуждены обходить здание и в обход добираться до главной улицы, а это занимает в десять раз больше времени.

Впрочем, никому не возбраняется последовать моему примеру.

Я пролезаю через огромную дыру в заборе, минуя ряд оранжево-белых цилиндров ограждения и вот уже смотрю сверху вниз на частично построенный гараж и то, что должно было стать его крышей. Временным покрытием служит плотный тарпаулин, и лишь с одной стороны гаража сделан настил из досок, к которому приставлены металлические лестницы, ведущие к еще не скрытой части холма.

Не знаю, кому в «Бэйвью-Хай» первому пришла в голову светлая мысль совершить прыжок на настил с высоты в пять футов, но теперь короткий путь от молла в центр известен всем. Я прекрасно понимаю, что отец убил бы меня за такое. Однако сейчас его здесь нет. А если бы даже и был, разницы никакой. Он обращает на меня не больше внимания, чем Эли Кляйнфельтер. Так что я крепко обхватываю один из цилиндров и смотрю вниз.

Не то чтобы я боюсь высоты. Скорее предпочитаю чувствовать под ногами надежную опору. Прошлым летом я играл Питера Пэна в театрализованном представлении и не на шутку перепугался, когда потребовалось кружить над сценой на перекинутом через блок канате. Тогда меня едва смогли поднять на два фута. «Ты не летаешь, Нокс, ты в лучшем случае перебираешь ногами», – ворчал режиссер всякий раз, когда я прошмыгивал мимо.

Не отрицаю, я боюсь высоты. Но пытаюсь преодолеть себя. Смотрю на доски, и кажется, что до них футов двадцать. Может, кто-то опустил крышу пониже?

– Сегодня замечательный день, чтобы умереть. Для любого, кроме меня, – шепчу я слова прославленного охотника за сокровищами Дакса Рипера из «Баунти уорс». Да уж, единственный способ добавить пафоса своему жалкому мандражу – это цитировать персонажа видеоигры.

Нет, не могу. На настоящий прыжок я не отважусь. Сажусь на край, зажмуриваю глаза, отталкиваюсь и трусливо соскальзываю вниз. Приземление выходит крайне неуклюжим. Я спотыкаюсь о неровный настил и чуть не падаю. Спортсмен из меня неважный.

Ковыляю к лестницам и спускаюсь вниз. Ступени угрожающе лязгают под каждым моим шагом. И лишь почувствовав под ногами твердую землю, я с облегчением выдыхаю. Осталось пройти вдоль склона холма к забору, через который раньше приходилось перелезть, пока кто-то не догадался сделать пролом. Протиснувшись в узкую щель, я попадаю в небольшой скверик. Автобус номер одиннадцать уже стоит напротив мэрии с работающим мотором. Я рысью перебегаю улицу и успеваю запрыгнуть в него в последний момент.

Уф, целую минуту сэкономил! Может, все-таки успею на работу вовремя. Я оплачиваю проезд, сажусь на одно из последних свободных мест и достаю из кармана телефон.

В этот момент рядом кто-то фыркает:

– У вас теперь эти штуки прямо из рук растут, что ли? Мой внук такой же. В прошлый раз обедали вместе, я ему говорю – положи ты свою игрушку, хоть поешь спокойно. А он как завопит – можно было подумать, я над ним издеваюсь, причем с особой жестокостью!

Я оборачиваюсь и вижу пару выцветших голубых глаз за бифокальными стеклами. Ну вот, опять! Как всегда: стоит в любом общественном месте какой-нибудь старухе оказаться рядом, так она немедленно заводит со мной разговор. Мейв даже название придумала: «Фактор приятного молодого человека». «У тебя лицо соответствующее. Они считают, что ты не в состоянии нагрубить».

А я окрестил это «проклятием Нокса Майерса»: для бабушек старше восьмидесяти неотразимый, для девушек моего возраста невидимый. Когда мы смотрели в кафе «Контиго» открытие сезона в Фуллертоне, Фиби Лоутон буквально споткнулась об меня, бросившись к явившемуся прямо перед закрытием Брэндону Уэберу.

Я продолжаю копаться в телефоне, притворяясь, будто ничего не слышу. Брэндон обычно поступает именно так. «Что сделал бы Брэндон» – еще одна

жуткая мантра на всю мою оставшуюся жизнь, потому что Брэндон – паразит, пустое место, который прет по жизни благодаря своим красивым волосам, идеальным чертам лица и умению лихо подавать крученный мяч. Вот он добьется всего, чего хочет, и никогда не позволит старухам в автобусе втягивать себя в разговоры на щекотливые темы.

Ладно. Избирательная потеря слуха на ближайшие пятнадцать минут – вот что меня спасет. Однако неожиданно для себя я заявляю:

– Этому явлению уже и название подобрали. Номофобия. Страх остаться без телефона.

– Неужели? – переспрашивает старуха.

Что ж, я опять это сделал. И врата разверзаются. За недолгую поездку я узнаю все о шести внуках старушеницы и подробностях ее операции по замене тазобедренного сустава. И только выйдя из автобуса в квартале от офиса Эли, заглядываю наконец в телефон, чтобы получить самую насущную на текущий момент информацию – то есть проверить, не появилось ли новое сообщение от инкогнито, который вчера разослал всем правила игры «Правда или Вызов».

По правде говоря, глаза б мои на них не смотрели. И наверное, все в «Бэйвью-Хай» со мной согласятся. Но что делать? Мы патологически очарованы подобными вещами. После того что случилось с Саймоном, нездоровое любопытство внедрилось в наше коллективное ДНК. Вот и вчера вечером на репетиции – вместо того чтобы определяться с трактовкой ролей, мы отвлекались, стараясь вычислить инкогнито.

Хотя все это вполне может оказаться шуткой. В четыре часа, когда я толкаю дверь здания, в котором находится офис «Пока Не Будет Доказано», срок отправки ответа первого игрока, кем бы он ни был, давно истек, однако последний эпигон Саймона хранит молчание.

Я прохожу мимо кафе в вестибюле и на лифте поднимаюсь на третий этаж. «Пока Не Будет Доказано» располагается в дальнем конце узкого коридора, рядом со входом в клинику восстановления волос, которая воняет химией на весь холл. Оттуда как раз выходит соответствующий субъект – по лысине хаотично раскиданы жидкие пучки волос – и проскальзывает мимо, опустив

взгляд, будто его застукали за покупкой порно.

Я распахиваю дверь в офис и попадаю в гудящий улей – слишком много людей работают в небольшом помещении, и все они говорят одновременно.

– Сколько приговоров вынесено?

– Нам известно о двенадцати, скорее всего больше.

– Кто-нибудь перезвонил на Седьмой канал?

– Через полтора года освободили, а затем снова взяли.

– Нокс! – Ко мне подлетает Сандип Гхай, выпускник Гарварда, работающий у Эли с прошлой осени. В руках у него целая кипа красных папок – только нос торчит. – На ловца и зверь! Нужно заполнить и подготовить к отправке сорок писем для работодателей. Сегодня. Образец в верхней папке, список адресов там же. Успеешь к пятичасовой почте?

– Сорок? – Я принимаю у него кипу, округлив глаза. «Пока Не Будет Доказано» не только защищает тех, кого Эли и его сотрудники посчитали несправедливо обвиненными, им еще и помогают найти работу после освобождения. Время от времени мне приходится рассылать массу резюме и сопроводительных писем, рассказывающих о том, какую пользу бизнесу принесет наем реабилитантов, как их называет Эли. Впрочем, хорошо, если за неделю хоть одна местная фирма заинтересуется. – А почему так много?

– Дело д’Агостино – бесплатная реклама, – отвечает Сандип. Как будто мне это что-то говорит! Заметив мое недоумение, он добавляет: – Когда есть шанс попиариться, всякий готов причислить себя к «сознательной общественности».

Кажется, теперь я понимаю. Эли стал звездой всех новостных программ, когда доказал, что большую группу людей, получивших срок за хранение наркотиков, на самом деле лишили свободы незаконно – они стали жертвами сфабрикованных обвинений со стороны сержанта полиции Сан-Диего Карла д’Агостино и двух его подчиненных. Сейчас все трое сами находятся за решеткой в ожидании суда, и «Пока Не Будет Доказано» работает над тем,

чтобы их осудили по полной программе.

Последний раз такого внимания прессы Эли достаивался во время расследования дела Саймона Келлехера. Тогда Эли вытащил Нейта Маколи из тюрьмы и стал главным персонажем каждого выпуска новостей. А через несколько недель фирма моего отца наняла Нейта на работу. Он трудится там до сих пор, и работодатель даже оплачивает ему учебу в колледже.

Когда Бронвин Рохас уехала в Йель и «Пока Не Будет Доказано» начала подыскивать нового стажера из числа старшеклассников, я подумал, что за это возьмется ее сестра. Мейв дружит с Эли, да к тому же в основном благодаря ей был разоблачен замысел Саймона, которого так и считали бы невинной жертвой, если бы Мейв не отследила, под какой маской он скрывался в Сети.

Однако Мейв отказалась.

– Эта работа по душе Бронвин, но не мне, – объявила она тоном, не допускающим возражений.

Так я и устроился сюда. Отчасти – потому что интересно, а кроме того, я, как правило, не упускаю возможностей подработать. Отец, который всем уже уши прожужжал, что Нейт «мировой парень», даже ни разу не удосужился спросить, хочу ли я попробовать свои силы в «Майерс констракшн».

Честно говоря, меня воротит от всего, что связано с техникой и различными инструментами. Однажды вешал картину и размозжил себе молотком палец, да так, что пришлось вызывать «неотложку». Но все же – он мог хотя бы спросить?

– К пяти часам, – повторяет Сандип, тыча в меня пальцем. – Так я на тебя рассчитываю?

– А как же, – отвечаю я, озираясь в поисках свободного места, и наталкиваюсь взглядом на Эли. Он единственный в фирме, кто занимает отдельный стол, вечно заставленный штабелями папок. Когда наклоняется, чтобы поговорить по телефону, видна только голова с прической а-ля «чокнутый профессор». Не иначе как чудо – стол позади Эли не занят!

Я направляюсь туда. А вдруг выпадет шанс поговорить с боссом? Эли меня восхищает, и не только своим невероятным профессионализмом; встретив такого парня на улице, запоминаешь с первого раза. Он очень уверенный в себе человек и... не знаю, как выразиться... обладает особым магнетизмом. Проработав с ним несколько месяцев, я уже не удивляюсь, что у него такая потрясающая невеста и что он мастерски умеет общаться с замешанными в криминале людьми; мало того, они сами выбалтывают ему все что угодно. Вот бы научил меня своим приемам!

Однако для начала неплохо, если Эли хотя бы запомнит мое имя.

Не успеваю я дойти до стола, как Сандип выкрикивает:

– Эли! Зайди в Винтерфелл, ты нам нужен!

Эли откатывается на кресле и выглядывает из-за папок.

– Куда?

– В Винтерфелл, – нетерпеливо повторяет Сандип.

Эли все еще недоумевает, и я решаюсь:

– Это малый конференц-зал. Припоминаете? Сандип придумал, чтобы было удобнее различать. А второй конференц-зал у нас теперь Королевская Гавань.

Сандип, как и я, большой фанат «Игры престолов» и позаимствовал оттуда названия для помещений. Впрочем, Эли таких книг не читает и ни одной серии фильма не смотрел, поэтому буквально впал в ступор.

– Ах да, спасибо, – рассеянно кивает он мне и поворачивается к Сандипу. – Разве трудно было сказать «малый конференц-зал»?

– Зайди в Винтерфелл, ты нам нужен! – повторяет Сандип, теряя терпение. Эли со вздохом встает и уходит. Я ухмыляюсь. Уже прогресс!

Раскладываю на пустом столе папки, рядом кладу телефон и начинаю заполнять адреса. Но едва успеваю взяться за дело, как телефон выдает целый залп сообщений – естественно, от сестер. У меня четыре старших сестры, и у всех имена на букву К: Кирстен, Кэти, Келси и Кара. Мы как семейство Кардашьян, разве что без миллионов.

Сейчас сестры, как у них заведено, создадут групповой чат и пустятся в треп сразу обо всем и ни о чем. Дни рождения, телешоу, теперешние и бывшие бойфренды и герлфренды... А еще частенько предметом обсуждения становлюсь я. И когда все четверо одновременно волнуются по поводу моей личной жизни и планов на будущее, начинается сущий кошмар. Нокс, что у тебя произошло с Мейв? Такая чудесная девушка! Нокс, кто будет твоей парой на балу? Нокс, ты уже думаешь о колледже? Последний школьный год не за горами!

Но на этот раз тема одна: неожиданная помолвка Кэти на День святого Валентина. Она первая из сестер Майерс выходит замуж. Это же ужас сколько всего надо обсудить!

К тому времени как я успеваю обработать половину корреспонденции, сестры постепенно закругляются. Но тут приходит еще одно сообщение. Я бросаю взгляд на экран – наверняка Кирстен, она всегда оставляет за собой последнее слово, – однако на этот раз абонент неизвестен.

Увы, от нашего первого игрока нет ответа. А значит, пришел час расплаты.

Фиби Лоутон, ты не оправдала моих надежд. Очень прискорбно.

Теперь мне придется раскрыть одну из твоих тайн. В подлинном стиле «Про Это».

Черт, все-таки случилось! Хотя, может, дела обстоят не так уж и плохо? Саймон никогда не выбирал Фиби героиней блога «Про Это». Она ведь как открытая книга. Да, меняет бойфрендов как перчатки, зато никого не обманывает и не предает. А еще она из тех девушек, которые легко общаются с разными социальными группами в «Бэйвью-Хай» – для нее, в отличие от большинства из нас, не существует незримых границ. Быть не может, чтобы на Фиби кто-то откопал компромат.

Серые точки мигают на экране. Аноним не торопится, нагнетает напряжение. И пусть я не считаю, что заглотив наживку, мой пульс учащается. Я начинаю ненавидеть себя и уже готов перевернуть телефон экраном вниз, как наконец появляется текст.

Фиби спала с бойфрендом своей сестры Эммы.

Стоп. Что?!

Я оглядываю помещение, будто ожидаю какой-то групповой реакции. Порой забываю, что я здесь единственный старшеклассник. На меня никто внимания не обращает, у всех работы выше крыши, и я снова смотрю в телефон. Экран погас, и приходится нажать кнопку, чтобы оживить его.

Фиби спала с бойфрендом своей сестры Эммы.

Не может быть! Во-первых, разве у Эммы Лоутон вообще есть бойфренд? Она одна из самых тихих и необщительных в классе. Насколько мне известно, состоит в интимных отношениях разве что с домашними заданиями. А во-вторых: Фиби не могла так поступить с сестрой. Конечно, я не особо хорошо знаю Фиби, но есть же правила. Мои сестры за подобное глаза бы выцарапали.

Тем временем одна за другой появляются новые строки текста.

Ну как, Бэйвью? Спорим, вы и не знали?

Стыдно. Теряете квалификацию.

Маленький совет на будущее: всегда принимай Вызов.

Глава 4. Мейв

Четверг, 20 февраля

Кому, как не мне, знать правила общения с теми, чья самая сокровенная и мрачная тайна только что стала известна всей школе! Впрочем, я давно не практиковалась.

Вчера я сидела в «Контиго» и корпела над домашним заданием, когда новая сплетня стала всеобщим достоянием. Как только у Фиби во время работы нашлась свободная минутка и она посмотрела в телефон, я сразу поняла, что это правда. На ее лице отразились те же эмоции, что и у Бронвин полтора года назад, когда Джейк Риордан выложил на сайте-двойнике информацию о ее «успехах» в химии. Не только ужас, но и вина.

Почти тотчас же в кафе ворвалась Эмма, вся багровая, с дрожащими руками. Я едва ее узнала.

– Это правда? Вот почему ты так странно себя вела? – выдохнула она, потрясая телефоном. Фиби стояла у кассы рядом с отцом Луиса и развязывала фартук. Наверное, собиралась сказать, что плохо себя чувствует, и улизнуть с работы. Она замерла и молча округлила глаза. Эмма подступала к сестре все ближе, и когда между ними осталось не больше дюйма, я на секунду перепугалась, что сейчас она ударит Фиби по лицу. – Это было, когда мы встречались с ним?

– Нет, после, – ответила Фиби, чересчур поспешно и категорично. И вот тут вмешался мистер Сантос – буквально сгреб обеих в охапку и увел в кухню. Больше я их в тот вечер не видела.

Когда я вернулась домой и связалась с Ноксом, он тоже все знал.

– А что ты хочешь? Эту сплетню сейчас в Бэйвью каждый дурак обсуждает!

Вечером я все думала – может, стоит поддержать Фиби, отправить ей сообщение, даже просто спросить: «Как ты?» Но дело в том, что хотя она мне всегда нравилась, мы не подруги. Мы приятельницы, в основном потому что я много времени провожу в кафе, где она работает; к тому же Фиби экстраверт и легко находит общий язык с каждым. Однажды она дала мне свой номер – «на всякий случай», но я до сих пор ни разу им не воспользовалась, и, наверное, сейчас неподходящее время начинать. Будто мной движет не беспокойство, а всего лишь любопытство. Спускаясь к завтраку, я так и не могу определиться, было ли мое побуждение разумным.

Мама сидит за ноутбуком, сосредоточенно глядя на экран. Когда Бронвин жила дома, мы обычно завтракали все вместе за кухонным островом, а теперь мне почему-то не по себе ощущать рядом с собой пустое место. У меня даже пропадает аппетит. И пусть мама никогда об этом не скажет вслух – ведь учеба в Йеле для них обеих мечта всей жизни, – но, по-моему, она чувствует то же самое.

– Угадай, что у меня есть? – Мама поднимает взгляд и дарит мне ослепительную улыбку. Я тем временем достаю из шкафчика у раковины коробку «Фрут лупс», и она недовольно морщится. – Не помню, чтобы я покупала сухие завтраки.

– Значит, кое-кто другой купил, – отвечаю я и до краев наполняю миску разноцветными колечками, а затем выуживаю из холодильника пакет молока и сажусь рядом. Входит папа, повязывая галстук, и мама с притворным ужасом восклицает:

– Хавьер, как ты мог? Мы же договорились – только здоровая еда!

Папа на секунду делает виноватое лицо.

– Зато они обогащены витаминами и минералами. На коробке написано.

Он выхватывает несколько штук из моей миски и запихивает в рот, прежде чем я успеваю добавить молока.

Мама закатывает глаза.

– Такой же несносный, как твоя дочь. Не жалуйся потом, что зубы болят.

Папа проглатывает свои хлопья и целует маму в щечку, а меня в макушку.

– Обещаю вытерпеть лечение кариеса с должным уровнем стоицизма. – Отец переехал в Штаты из Колумбии десятилетним ребенком и говорит без малейшего акцента, однако в его речи присутствует некий ритм, отчего она кажется чуть более правильной, чем нужно, и слегка мелодичной. Я от этого просто тащусь. Кроме того, мы с ним оба сладкоежки, а вот мама с Бронвин нашу общую страсть не разделяют. – Не ждите меня к ужину, хорошо? У нас

сегодня собрание членов правления, вернусь поздно.

– Что с тебя взять, потакатель, – с нежностью говорит мама, и отец, взяв ключи, направляется к двери.

Я зачерпываю большую ложку уже разбухших «Фрут лупс» и с набитым ртом киваю на ноутбук.

– Ты хотела мне что-то показать?

Мама застывает в недоумении – я слишком резко сменила тему разговора, – а затем, просияв от радости, восклицает:

– О, тебе понравится! Я купила билеты на мюзикл. «В леса»[1 - «В леса» – мюзикл Джеймса Лэпайна по мотивам сказок братьев Grimm. – Здесь и далее примеч. пер.]. На следующей неделе, как раз Бронвин приедет. Театр «Цивик» в Сан-Диего. Посмотришь, как выглядит «Бэйвью-Хай» на фоне профессионалов. Школьная театральная студия весной ставит именно эту вещь, я не ошибаюсь?

Прежде чем ответить, я заглатываю еще одну ложку хлопьев. Мне нужна пара секунд, чтобы выйти на требуемый уровень энтузиазма.

– Именно. Фантастика! Чудесно!

Ну вот, перестаралась. Мама хмурится.

– Тебе не хочется идти?

– Нет, что ты, очень хочется. – Я продолжаю лгать, но маму не убедишь.

– А что не так? Ведь ты любишь музыкальные постановки.

Эх, мама, мама... Как неустанно она пестует любое из моих преходящих увлечений! Однажды Мейв играла в спектакле. Следовательно, Мейв любит театр! Я участвовала в школьной постановке в прошлом году, и это было здорово. С тех пор театр отправился на полку, как и многие другие вещи, которые я попробовала один раз, и поняла, что больше не хочу повторять.

– Люблю. Но ведь Бронвин уже смотрела «В леса».

Мама морщит лоб.

– Смотрела? Когда?

Я вылавливаю ложкой остатки «Фрут лупс» и тяну время, прожевывая их.

– Кажется, на Рождество. Вместе с... с Нейтом.

Уф. Абсолютная ложь. Нейта не затащить на мюзикл даже под страхом смертной казни.

Мама хмурится все сильнее. Не то чтобы она не любит Нейта; она просто считает его и Бронвин «выходцами из разных миров». К тому же мама продолжает настаивать, что Бронвин слишком молода для серьезных отношений. А когда я напоминаю, что они с папой познакомились в колледже, уточняет: «Мы учились на предпоследнем курсе». Можно подумать, к предпоследнему курсу она уже лет десять как была взрослой!

– Ладно, попробую дозвониться до Бронвин и уточнить. – Мама берется за телефон. – В течение получаса билеты можно вернуть.

Я хлопаю себя по лбу.

– Ой, я ошиблась! Не надо ничего возвращать. Они не смотрели «В леса». Они смотрели «Форсаж», фильм двенадцатый. Вроде бы... Знаешь, я их вечно путаю.

Мама озадаченно смотрит, как я наклоняю миску и громко допиваю розовое от хлопьев молоко.

– Мейв, прекрати, тебе давно не шесть лет. – Затем она поворачивается к ноутбуку, насупив брови. – Ладно, я только проверю почту. Очень много новых писем.

Внезапно у меня начинает течь из носа. Я ставлю чашку на стол, беру салфетку и с мыслью «рановато для весенней аллергии» высмаркиваюсь, затем опускаю руку, и...

О нет!

Молча встаю, комкая в руке салфетку, и иду в ванную на первом этаже, а тем временем под носом скапливается жидкость. И даже не посмотрев в зеркало, я знаю, что увижу. Бледное лицо, сжатые губы, безумный взгляд – и тонкие струйки ярко-красной крови, вытекающие из обеих ноздрей.

Ужас поражает меня сильно и практически мгновенно. Словно в кино, когда кто-то выстрелил из тазера: молниеносный удар, холодовой шок, и вот я уже превратилась в дрожащую студенистую массу, с трясущимися руками, которые даже не в состоянии удержать салфетку. Кровь впитывается в нее, и веселенький рисунок окрашивается в красный. Сердце стучит так, словно вот-вот вырвется из груди, и его безумный ритм эхом отдается в ушах. Глаза в зеркале непрерывно моргают, а в мозгу с тем же интервалом грохочут два слова:

Она вернулась. Она вернулась. Она вернулась.

Всякий раз, когда моя лейкемия возвращалась, все начиналось с носового кровотечения.

Я представляю, как показываю маме окровавленную салфетку, и воздух выходит у меня из легких. Нет, не смогу. Ведь с ее лицом вновь произойдет это – как в кино при замедленной съемке, когда человек может состариться на двадцать лет за двадцать секунд. Мама позвонит папе, он примчится домой, и его утренняя веселость разом улетучится. Он словно наденет маску, которую я ненавижу всеми фибрами души, потому что знаю, какая внутренняя молитва ее сопровождает. Я слышала эту молитву однажды, в восьмилетнем возрасте, когда едва не умерла; он сидел у моей больничной койки с поникшей головой и одними губами шептал по-испански: «Por favor, Dios, llevame a mi en su lugar. Yo por ella. Por favor»[2 - Прошу тебя, Боже, пусть я лягу на ее место. Возьми меня вместо нее. Прошу тебя (исп.)]. Я была почти без сознания, но все же думала: «Нет, Бог, не слушай его». Потому что отвергала любую молитву, в которой папа просил Бога позволить ему занять мое место.

Если я покажу маме салфетку, эта карусель опять закрутится. Мне придется пройти обследования – сперва наименее инвазивные и наименее болезненные, а затем и остальные. Потом мы будем сидеть в кабинете доктора Гутьерреса, смотреть на его худощавое озабоченное лицо, а он взвесит все «за» и «против» одинаково жестоких вариантов лечения и напомнит, что с каждым последующим рецидивом побороть лейкемию все труднее, и нам следует реагировать соответственно. И наконец мы выберем свой яд. В последующие месяцы меня ждут потеря веса, волос, сил и времени. И потеря надежды.

В прошлый раз, когда мне было тринадцать, я сказала себе, что больше такого не хочу.

Кровотечение прекращается. Я изучаю салфетку, изо всех сил стараясь быть максимально беспристрастной – как осматривал бы ее посторонний врач. Вообще-то крови не очень много. Может, причина тому сухой воздух; все-таки на дворе февраль. Порой кровь из носа – это всего лишь кровь из носа, и не стоит впадать в панику. Закусив губы, я делаю глубокий вдох, ощущаю, как воздух наполняет легкие, и мой пульс замедляется. Бросаю салфетку в унитаз и торопливо нажимаю на слив, стараясь не смотреть, как тонкие красные нити растворяются в воде. Затем достаю «Клинекс», вытираю оставшиеся следы крови и говорю своему отражению, вцепившись в края раковины:

– Все хорошо. Все прекрасно.

Этим утром анонимный организатор нового развлечения разослал «Бэйвью-Хай» два сообщения: объявление, что скоро в игру вступит следующий участник, и ссылку на пост с правилами игры. И теперь за ланчем все массово читают новую версию сайта «Про Это», не отрываясь от телефонов и рассеянно запихивая в рот еду. Не могу отделаться от мысли, что Саймону это понравилось бы.

Хотя, если уж быть совсем честной, сейчас меня вообще не волнует всеобщее помешательство.

– Меня до сих больше всего удивляет, что у Эммы был бойфренд, – говорит Нокс, украдкой покосившись на столик, где сидят Фиби, ее подруга Джулс Крэндалл и группа их одноклассниц. Эммы нигде не видно, хотя она и так не ходит на ланч вместе со всеми. Наверняка обедает где-то вне школы со своей единственной

подругой, тихой девочкой по имени Джиллиан. – Как считаешь, он из нашей школы?

Я хватаю кусочек картофеля фри, который мы взяли на двоих, окунаю в кетчуп и запихиваю в рот.

– Никогда не видела Эмму с парнем.

Люси Чен, увлеченная разговором с соседями, разворачивается на стуле и с осуждением спрашивает:

– Вы тоже про Фиби с Эммой? – Люси та еще штучка: что бы ни делали другие, вечно критикует, а сама тем временем старается влезть туда же. В этом году Люси удалось в буквальном смысле выбиться в звезды, то есть стать звездой нашей театральной студии: ее и Нокса утвердили на главные роли в постановке мюзикла «В леса». – По-моему, мы должны саботировать эту игру!

Чейз Руссо, бойфренд Люси, подмигивает своей подруге.

– Люси, последние десять минут ты ни о чем другом не говоришь, кроме как об этой игре!

Однако Люси у нас сама добродетель.

– Я рассуждала о том, как она опасна. «Бэйвью-Хай» определенно находится в группе риска.

Я подавляю вздох. Вот что бывает с теми, кто не умеет находить друзей: в итоге оказываешься среди тех, кто тебе не особо нравится. И хотя я признательна участникам нашей театральной студии – они принимают меня в компанию даже в отсутствие Нокса, – я порой задумываюсь, какой могла бы стать моя жизнь в школе и жизнь вообще, приложи я больше усилий. Если бы я сама активно выбирала друзей, а не позволяла другим выбирать меня.

Нахожу взглядом Фиби. Она сосредоточенно пережевывает пищу, глядя прямо перед собой. Сегодня ей приходится несладко, но Фиби держит удар, чем напоминает мне Бронвин в сходных обстоятельствах. Как всегда, в ярком

платье, бронзовые кудри рассыпаны по плечам, макияж безупречен. Такая девушка не затеряется в толпе.

Все же надо было вчера отправить ей сообщение.

– Думаю, мы все знаем, кто за этим стоит, – добавляет Люси и кивком показывает на столик в углу, где обедает в одиночестве Маттиас Шредер, пряча лицо за толстенной книгой. – Маттиаса должны были выгнать из школы после блога «Саймон говорит». Директор Гупта опоздала со своей политикой нулевой толерантности.

– Seriously? Ты считаешь, это проделки Маттиаса? «Саймон говорит» – просто отстойный блог. – Не могу заставить себя испытывать неприязнь к Маттиасу, хотя прошлой осенью мое имя не сходило со страниц его недолго прожившего сайта-двойника. Маттиас переехал сюда в первый год обучения в «Бэйвью-Хай», как раз в то время, когда я начала реже пропускать уроки, но так и не пришелся здесь ко двору. Часто можно было видеть, как он робко проходит мимо групп, которые или насмеются над ним, или просто игнорируют.

– Этот тип однажды уже поведал нам ужасную сплетню, – ухмыляется Чейз и одними губами шепчет: – Мейв Рохас и Нокс Майерс расстались! Вот новость! Все давно знают, и никто не парится. Самое недраматичное расставание от сотворения мира. Попробуйте еще раз, что ли.

– Все равно я ему не доверяю, – фыркает Люси. – Такой же псих-одиночка, как Саймон.

– Саймон не был... – начинаю я.

Тут позади раздается чей-то грубый голос:

– Фиби, что за дела?

Мы разом оглядываемся. У Нокса вырывается сдавленное «Тьфу!». Шон Мердок сидит, нагло развалившись на стуле и развернувшись всем корпусом в сторону Фиби. Шон – самый тупой из друзей Брэндона Уэбера. С первого дня совместной учебы он, едва завидев меня, вопил: «Мертвая девушка идет!» Наверняка до сих

пор даже имени моего не знает.

Фиби не отвечает, и Шон с грохотом отодвигает стул.

– Не думал, что вы с Эммой такие неразлучные! – Он уже орет на весь кафетерий. – Если ищите себе нового общего бойфренда, то я не возражаю. – Дружки хихикают, и Шон снова повышает голос: – Можете обслуживать по очереди. Или обе сразу. Мне по-всякому нравится.

Моника Хилл, одна из девчонок, постоянно зависающая в обществе Шона и Брэндона, громко ахает и хлопает Шона по руке, явно желая скорее подначить, чем остановить. Брэндон, в свою очередь, смеется громче всех за столом.

– Хотеть не вредно, бро, – говорит он, не глядя в сторону Фиби.

– А ты не жадничай, подумаешь, задело его! – отвечает Шон. – Среди нас ходит полно любовников Лоутон. Правда, Фиби? Две сразу, как по заказу. Хочешь любиться, надо делиться! – Он начинает ржать. – Ух ты! Брэндон, а я поэт!

Внезапно в кафетерии становится тихо. Фиби уставилась в пол, побледнев и сжав губы. Я едва не вскакиваю с места – желание что-то сделать непреодолимо, – хотя понятия не имею, что именно делать. А потом Фиби поднимает голову и громко и отчетливо произносит, глядя прямо в глаза Шону:

– Спасибо за предложение. Если мне захочется испытать скуку и разочарование, я лучше посмотрю, как ты играешь в бейсбол.

Затем она берет зеленое яблоко и демонстративно откусывает большущий кусок.

– Черт, детка! – выкрикивает Чейз.

Гул в кафетерии нарастает и переходит в гвалт и свист. Лицо Шона угрожающе багровеет. Но прежде чем он успевает что-то сказать, из кухни выходит один из работников. У Роберта телосложение – как у полузащитника в футболе, а еще он единственный в «Бэйвью-Хай», у кого голос громче, чем у Шона. Роберт приставляет руки ко рту рупором, и я опускаюсь обратно на стул.

– Или все замолкают, или я зову кого-то из учителей!

Громкость моментально уменьшается вдвое, и легко расслышать, как Шон, вернувшись на место, бубнит, выговаривая каждое слово отдельно:

– Это. Сказала. Шлюха. Лоутон.

– Мердок, к директору! – немедленно реагирует Роберт.

– Что? – протестует Шон, раскинув руки. – Она первая начала. Подошла и оскорбила ни с того ни с сего. Это травля! Нарушение правил поведения в школе!

Меня уже трясет от негодования. Почему молчу? Что, черт возьми, мне терять?

– Ложь! – выкрикиваю я, и Нокс от испуга чуть не подпрыгивает. – Ты спровоцировал ее. Все видели!

По кафетерию разносятся одобрительные возгласы. Шон фыркает:

– А тебя не спрашивают, раковая шейка!

От его слов меня чуть не выворачивает, но я закатываю глаза, будто этот выпад меня давно не касается.

– О, так я попала в точку!

Роберт делает несколько шагов вперед, скрестив покрытые татуировками руки. По слухам, он раньше трудился на зоне, в тюремной кухне – весьма неплохая тренировка для работы в школьной кафетерии. Собственно говоря, благодаря этому его и наняли. Директор Гупта все же извлекла урок из прошлогодних событий.

– Мердок, к директору! – рявкает Роберт. – Не пойдешь сам – я помогу. Тебе это не понравится, будь уверен.

Шон встает с места, что-то процедив сквозь зубы – я не слышу, что именно. Проходя мимо Фиби, он волком смотрит на нее, и девушка отвечает тем же. Однако едва он уходит, лицо Фиби тут же теряет твердость.

– Кого-то сегодня оставят после уроков, – нараспев произносит Чейз. – Смотри не умри там, Мердок.

Звенит звонок, и мы собираем вещи. Джулс берет поднос Фиби и что-то шепчет ей на ухо. Фиби кивает, вешает рюкзак на плечо и направляется к выходу, остановившись у нашего стола, чтобы пропустить группку младшекласниц. Девочки косятся на нее и прыскают от смеха.

Я трогаю Фиби за руку.

– Ты как?

Она оглядывается, но ответить не успевает. С другой стороны подходит Люси.

– Нельзя спускать такое на тормозах! – На миг я почти восхищаюсь ею. Затем на лице Люси вновь появляется самодовольное выражение. – Может, стоит рассказать все директору Гупте? Я начинаю думать, что школе пошел бы на пользу полный отказ от телефонов...

Фиби, сверкнув глазами, резко поворачивается к ней. Люси открывает рот и пятится, очевидно, вообразив себя на сцене. Но Фиби произносит с ледяным спокойствием:

– Даже. Не. Смей.

Глава 5. Фиби

Четверг, 20 февраля

– Кардинальный, – читаю я слово с очередной карточки.

Оуэн ложится грудью на кухонный стол, морща лоб от усердия.

– А скажи какую-нибудь фразу с этим словом.

– Э-э... – Я затрудняюсь, и он чуть слышно вздыхает.

– Посмотри на обратной стороне.

– Ах да. – Я переворачиваю карточку, которую держу в руке. – «Работы ученого произвели кардинальный переворот в точных науках».

– Кардинальный. – Оуэн повторяет по буквам: – К-О-О-Р-Д-И-Н-А-Л-Ь-Н-Ы-Й. – И улыбается, ожидая, что я в десятый раз подниму большой палец в знак одобрения.

Я недоуменно замираю, не выпуская карточку из рук. После всего случившегося за последние сутки меня мало что может расстроить, разве что ошибка Оуэна при подготовке к состязанию по орфографии. В подобных вещах он обычно на уровне старших классов.

– Неправильно. Ты ошибся.

– Не может быть. – Он поправляет очки. – Что ты мне прочитала, то я и произнес по буквам.

– Нет такого слова – координальный. Правильно будет – кардинальный. К-А-Р-Д-И-Н-А-Л-Ь-Н-Ы-Й. То есть самый важный, существенный.

– Дай посмотрю. – Оуэн протягивает руку за карточкой. Обычно я с учебкой ему не помогаю, но сегодня вина за ужасный поступок по отношению к Эмме подвигла меня и на это. Знаю, Оуэну хочется, чтобы мы с Эммой уделяли ему больше внимания, и он ведет себя соответственно. Брат не в меру любопытен от природы, а если к нам приходят друзья, его и вовсе не удержать. Постоянно забегает в комнату, когда Джулс у меня в гостях, порой таскается вместе с Эммой в библиотеку на занятия с отстающими, раздражая этим нас обеих, хотя я понимаю – и сестра тоже, – что Оуэн всего лишь хочет быть частью семьи.

Так просто было бы пригласить его сделать что-нибудь вместе!.. Но мы упертые, всегда остаемся при своем!

– Пожалуйста! – Мой голос звучит неестественно приторно, и Оуэн берет карточку, озадаченно стрелънув на меня глазами.

Мы с ним одни в квартире – мама на работе, Эммы тоже нет. Мы с сестрой, по сути, не виделись с той минуты, когда мистер Сантос увел нас на кухню и предложил пойти домой и поговорить спокойно. Эмма согласилась, но, едва выйдя из кафе, помчалась к дому Джиллиан. Заночевала сестра тоже у подруги. Ни на одно мое сообщение не ответила, в школе весь день избегала.

Мне от этого немного легче. Хотя какой смысл оттягивать неизбежное?

– Уф. А я-то думал... – Оуэн кладет карточку на стол и фыркает. – Вот засада!

Я едва удерживаюсь от того, чтобы взъерошить ему волосы. Ведь давно уже не ребенок, а до сих пор ведет себя как маленький. Иногда мне кажется, что Оуэн перестал взрослеть после папиной смерти, и не важно, что он вырос на целую голову – все равно как был девятилетним, так и остался. Брат умнее нас с Эммой; точнее говоря, он почти гений. Например, взял и оживил старый ноутбук, да еще и загадочным способом синхронизировал со всеми телефонами. А вот на психическом уровне – совсем ребенок. И мама никогда не позволит брату перескочить через класс, хотя он легко справился бы с учебной программой.

В замке? поворачивается ключ, и у меня падает сердце. Для мамы еще рано, а значит, наконец явилась Эмма.

На плече у сестры рюкзак, в руке холщовая сумка. Бледно-голубая оксфордская рубашка, джинсы; волосы стянуты ярко-синим ободком. Тонкие обветренные губы. Увидев меня, Эмма резко останавливается и роняет рюкзак и сумку на пол.

– Привет, – пытаюсь сказать я, но голос срывается.

– Эмма! – радостно восклицает Оуэн. – Ты не поверишь! Я прокололся с орфографией! – Он выжидательно смотрит на сестру, та отвечает слабой улыбкой. – Ты знаешь, как пишется кардинальный? В смысле самый

существенный?

- Знаю, - отвечает Эмма, глядя на меня. - От слова кардинал.

- А я напутал. Думал, от слова координата.

- Ничего страшного. - Сестре стоит огромных усилий говорить нормально. - Будешь еще заниматься?

- Нет, я все. - Оуэн сползает со стула. - Пойду поиграю немножко в «Баунти уорс». - Он шаркающей походкой удаляется в свою комнату.

Едва за ним с легким щелчком закрывается дверь, Эмма поворачивается ко мне со сложенными на груди руками и тихо спрашивает:

- Почему?

У меня во рту мгновенно возникает пустыня Сахара. Оуэн оставил на столе полстакана теплой фанты, я допиваю ее и лишь тогда осиливаю ответ.

- Я виновата.

Лицо Эммы вытягивается, и я буквально вижу, как она проталкивает комок в горло.

- Это не причина.

- Знаю. Все равно. В смысле, все равно прошу прощения. Я бы никогда... просто Джулс устроила вечеринку за день до сочельника... и Дерек... - Сестра вздрагивает, но я продолжаю: - Э-э... он знаком с кухней Джулс, и они хотели играть вместе. Оба саксофонисты. - Я лепечу еще что-то, а Эмма с растущей мукой смотрит прямо мне в глаза. - Я пришла потусоваться к Джулс, а он оказался... там.

- Он оказался там, - монотонно и без выражения повторяет Эмма. - Вот и вся твоя причина? Совпали в пространстве и времени?

Я открываю рот и снова закрываю. Невозможно подобрать приличный ответ. Ни для сестры, ни для себя самой. Я пыталась решить эту задачу почти два месяца.

Потому что я была пьяна. Да, верно, но это всего лишь отговорка. Алкоголь не заставит меня совершать глупости, которых я не натворила бы на трезвую голову. Разве что даст дополнительный толчок.

Потому что ты с ним рассталась. Да, за целых три недели до Рождества. Эмма и Дерек познакомились на конкурсе «Модель ООН» прошлым летом и встречались пять месяцев, а потом расстались по его инициативе. Я не знаю, что именно произошло. Эмма никогда мне не рассказывала, так же как и вообще об их отношениях. Я сама догадалась – в нашем безобразно тесном жилище трудно что-то утаить, – потому что сестра долго и тщательно готовилась к свиданиям. Может, со временем они смогли бы помириться. Однако я пресекла эту возможность на корню.

Потому что он мне понравился. Тьфу! Вишенка на торте, испеченном из моих отговорок. Впрочем, не особо и понравился.

Потому что я хотела причинить тебе боль. Не сознательно, однако... Порой мне кажется, что, делая такое признание, я незаметно подбираюсь к неудобной правде. Со дня папиной смерти я пытаюсь привлечь внимание сестры, а она меня чаще всего в упор не видит. Может, какая-то безумная извилина в моем мозгу хочет заставить ее заметить меня? В таком случае, миссия выполнена.

Эмма сверлит меня взглядом.

– Ты ведь знаешь, он был моим первым. Моим единственным.

Не знаю! Она никогда со мной не делилась. Хотя я догадывалась. И раз уж Дерек занимал такое место в ее жизни, дела обстоят еще хуже. Я с новой силой чувствую укор совести.

– Я виновата, Эмма. Честно. И готова на все, чтобы помириться с тобой. Клянусь чем угодно, я никому не рассказывала, даже Джулс. Возможно, Дерек...

– Прекрати упоминать его имя! – кричит Эмма так пронзительно, что я от испуга теряю дар речи. – Слышать не хочу. Ненавижу его, ненавижу тебя. Никогда в жизни больше не буду разговаривать ни с ним, ни с тобой!

Из ее глаз брызжут слезы, и на секунду я перестаю дышать. Эмма почти никогда не плачет; в последний раз это случилось на похоронах отца.

– Эмма, пожалуйста, давай...

– Я все сказала, Фиби! Оставь меня одну! – Эмма пронесется мимо, хлопнув дверью спальни так, что она чуть не слетает с петель. Оуэн высовывает нос из своей комнаты, однако не успевает и рта открыть – я хватаю ключи и очертя голову выбегаю из квартиры.

Перед глазами все расплывается. В холле кто-то машет мне рукой, и приходится несколько раз моргнуть, чтобы понять, кто это.

– Привет, – говорит Эдди Прентис. – Я как раз к вам. Твоя мама дома? – Она резко осекается, на кукольном, как у эльфа, лице проступает беспокойство. – Что с тобой?

– Все хорошо. Аллергия. – Я вытираю глаза. Эдди мой ответ не убеждает, и я начинаю тараторить: – Мама на работе, вернется примерно через час. У тебя что-то срочное? Я могу ей позвонить.

– О нет, не стоит. Я организую девичник Эштон, хотелось бы обсудить кое-какие идеи насчет ресторана. Отправлю ей сообщение.

Она улыбается, и комок в моем горле постепенно тает. Эдди одним своим видом дарит мне надежду. Хотя жизнь девушки пошла наперекосяк после того, как блог Саймона сделал всеобщим достоянием ее фатальную ошибку, она смогла собрать себя из осколков и начать жизнь с чистого листа. Настоящая королева второго шанса, а мне сейчас крайне необходимо поверить – второй шанс существует и для меня.

– Какой ресторан ты хочешь выбрать для девичника?

– Что-нибудь без лишнего шума. – Эдди задорно улыбается. – Наверное, не стоит злоупотреблять термином «девичник». Это влечет за собой определенный образ, ты согласна? На деле девчонки просто хотят оттянуться. Нужно подобрать местечко, где и мне понравится.

Я с трудом подавляю внезапный порыв пригласить Эдди с собой, хотя понятия не имею, куда иду. Забиться бы в какую-нибудь щель, пересидеть... Но прежде чем мне удастся подобрать слова, Эдди оглядывается на свою дверь и произносит:

– Ладно, я пойду. У подружки невесты куча обязанностей. Нужно еще заказать упаковку для подарков гостям.

– А что за подарки?

– Миндаль в сахаре. Оригинально, просто жуть. Зато любимая сладость и Эштон, и Эли.

– Хочешь, помогу раскладывать? Я теперь почти эксперт по свадебным подаркам. Мама постоянно приносит их домой опробовать на нас.

Эдди радостно улыбается.

– Это было бы чудесно! Я дам тебе знать. – Она поворачивается к своей двери, махнув рукой на прощание. – Приятно повеселиться. На улице такая красота!

– Постараюсь.

Хорошее настроение, вызванное разговором с Эдди, улетучивается так же быстро, как пришло. Я спускаюсь на лифте, а в голове крутятся слова Эммы: Ненавижу его, ненавижу тебя. Никогда в жизни больше не буду разговаривать ни с ним, ни с тобой! У Эдди с Эштон раньше тоже случались размолвки, но могу поспорить – такого разговора у них никогда не было.

Лифт открывается, я пересекаю облицованный искусственным мрамором вестибюль и толкаю тяжелые стеклянные двери. Улица залита ослепительным светом. Солнечные очки остались дома, и всю дорогу до парка мне приходится

прикрывать глаза ладонью. Парк совсем небольшой, примерно с квартал, и пользуется популярностью среди продвинутых молодых родителей – из-за наличия детских площадок с тренажерами для малышни и близости магазина органической еды «Хол фудс». Миновав арочные ворота и двух играющих в мяч мальчишек, я отыскиваю свободную скамейку в относительно тихом тенистом уголке.

Как ни тяжело, нужно наконец заняться телефоном. Сегодня я получила десятки сообщений, но, не обнаружив среди них ни одного от Эммы, остальные не стала даже просматривать. В сотый раз за день себя упекаю – ну почему не догадалась, что этот очередной последователь Саймона не шутит!

Сообщения от тех, кого едва знаю, я игнорирую. А вот послания от Джулс выхватываю в первую очередь:

Могла бы и поделиться со мной!

Я не осуждаю.

Хочу сказать, это нечестно с твоей стороны, но все мы совершаем ошибки.

У меня падает сердце. Джулс сегодня была великолепна: играла роль щита между мной и остальными. Однако, очевидно, подругу задело, что она узнала о Дерекке одновременно со всей школой. У нас с Джулс обычно нет секретов друг от друга, только в этом проступке я не решилась признаться.

Последнее сообщение: Меня отвезет домой Моника. Ты с нами? Эх, заглянуть бы в телефон пораньше, прежде чем топтать две мили от школы до квартиры... Стоп. Моника? С каких это пор она и Джулс спелись? Перед глазами тут же проносятся сегодняшней ланч и показное возмущение Моника выходкой Шона. Такое чувство, что она воспользовалась случаем и решила вылить на меня побольше грязи.

Вот еще сообщение с незнакомого номера. В моих контактах его точно нет. Привет, это Мейв. Ты как? Извини, если что, просто решила спросить, на всякий случай. Мы с Мейв никогда раньше не переписывались. Приятно, что она беспокоится. А ее сегодняшнее выступление против Шона... Но я в самом деле не знаю, что ответить. Мне очень паршиво, да вот только Мейв, с ее идеальными

родителями, идеальной сестрой и бывшим бойфрендом, а ныне лучшим другом – потому что даже те, кого она бросает, не злятся на нее, – ничем тут не поможет.

Брэндон: Зайдешь? Родителей нет дома;)

Мое лицо вспыхивает, в виски словно впиваются иглы. «Я не могу тебе доверять!» – рявкаю я ни в чем не повинному экрану телефона. А ведь доверяла, прекрасно понимая, что значу для Брэндона меньше, чем пара новых футбольных бутс. Насмехаться надо мной во время ланча – что ж, это совершенно в его характере. Следовало хорошенько подумать, прежде чем спать с ним.

В отличие от Эммы я часто меняла бойфрендов. Не со всеми из них спала, но, если уж до того доходило, не отказывала себе в удовольствии. Секс всегда приносил позитив в мою жизнь – до прошедшего декабря, когда я заперлась с Дерекком в белье у Джулс. Сразу после Дерекка я переметнулась к Брэндону, а ведь развешанные повсюду гигантские красные флажки предупреждали – беги прочь, немедленно! Может, совершив фатальную ошибку с Дерекком, я решила, что не заслуживаю ничего лучшего?

Ну уж нет! Разовая оплошность не должна обрекать на совместное будущее с Брэндоном Уэбером. И я удаляю его сообщение, а затем и самого Брэндона из списка контактов.

Удовлетворения хватает на полсекунды. Пока не появляется текст от Невидимки:

Ну что, повеселились? Как насчет...

Превьюшка обрывает текст. Меня охватывает искушение удалить его, не читая. Впрочем, если этот извращенец опять пишет обо мне, я так или иначе узнаю. Лучше открыть сразу.

Ну что, повеселились? Как насчет следующего раунда? Ниже полсотни комментов от старшеклассников «Бэйвью-Хай», все умоляют о продолжении. Вот засранцы! Я прокручиваю комменты, пока не натыкаюсь на последнее сообщение Невидимки:

Скоро в игру вступит следующий участник! Тик-так.

Теперь понятно, почему сайт «Про Это» так долго пользовался популярностью. Потому что хотя я и презираю Невидимку, хотя меня бесит, что раскрыта моя тайна, которая иначе никогда не выплыла бы наружу, хотя сама мысль о том, что новый Саймон Келлехер рыскает по школе в поисках добычи, вызывает стойкое отвращение, – я все равно не могу удержаться от любопытства.

Что будет дальше и кто следующий?

Глава 6. Нокс

Суббота, 22 февраля

Сейчас я убью свою сестру.

– Прости, Кирстен, но ты встала мне поперек дороги.

Я щелкаю большим пальцем по контроллеру, и аватар сестры оседает на землю. Из раны на шее фонтаном хлещет кровь. Кирстен вздрагивает и тщетно давит на кнопки, а затем недоуменно восклицает:

– Ты перерезал мне горло! – Дакс Рипер на экране телевизора тем временем переступает через безжизненное тело. – Я считала, что мы союзники!

Наш золотистый ретривер Фриц, дремлющий у ног Кирстен, приподнимает голову и сипло всхрапывает.

– Были союзниками. – Я отрываюсь от контроллера, чтобы почесать старичка Фрица за ухом. – Но твоя жизнь перестала приносить мне пользу.

Дакс на экране полностью меня поддерживает.

– Сегодня замечательный день, чтобы умереть, – раскатистым басом объявляет он, зачехляет нож и потягивается, играя мышцами.

– Отвратительная игра. – Кирстен корчит недовольную гримасу. – К тому же я хочу есть. – Она придвигается ближе и легонько толкает меня коленом. Мы сидим на диване на цокольном этаже нашего дома. Сестра живет в часе езды и по субботам нас обычно не навещает, но сейчас ее герлфренд на полтора месяца укатила в Японию преподавать, а у Кирстен остались незаконченные дела. – Предлагаю тебе поставить на паузу свое альтер эго, то есть этого карикатурного амбала, и сопроводить меня на ланч.

– Ты хотела сказать – моего двойника? Смотри – точная копия! – Я откладываю контроллер в сторону и выбрасываю вперед руку. Ох, лучше бы я этого не делал... Как называется полная противоположность «карикатурного амбала»? Меланхоличный дохляк? Из всех младших членов нашей семьи мы с Кирстен наиболее похожи друг на друга, вплоть до стрижки ежиком, но мышцы у сестры не в пример моим накачаны – по выходным она занимается греблей. Впрочем, я стараюсь не заострять на этом внимания.

Кирстен игнорирует мое жалкое подобие шутки.

– Куда ты настроен пойти? – Прежде чем я успеваю ответить, она поднимает руку. – Ни слова про фастфуд. Учти, я уже старуха. Мне бы бокал вина и что-нибудь из овощей. – Кирстен тридцать, она самая старшая. Все мои четыре сестры появились на свет одна за другой, и родители решили, что на этом хватит, однако через десять лет на свет неожиданно родился я. Сестры обращались со мной, как с живой куклой, все время таскали с собой; я и ходить-то научился почти в два года.

– «Горячие крылышки», – тут же выдаю я. Это заведение, знаменитое своими огненными куриными крылышками и гигантским надувным цыпленком на крыше, является неизменным атрибутом Бэйвью. Теперь, когда Бэйвью оказался в тренде, новые жители начинают ворчать, что цыпленок – это вульгарно, что он «не вписывается в эстетику города» – точная цитата из редакторской колонки в последнем номере «Бэйвью блейд». Недавно владельцы «Крылышек» пролетели еще раз: на День святого Валентина повесили на шею цыпленку гирлянду красных неоновых сердечек, которые до сих пор не сняли, а это уже настоящий непрофессионализм, тут я полностью согласен!

- «Крылышки»? - хмурится Кирстен, поднимаясь по лестнице. Фриц семенит за нами. - То есть я должна отдельно заказывать овощи?

- Там подают стебли сельдерея.

- Не пойдет. В них девяносто девять процентов воды.

- И салат из капусты.

- Сто процентов майонеза.

- А крылышки в лимонно-перечном маринаде? В них же... цитрус?

- Нокс, усвой раз и навсегда: искусственные добавки никогда не имели и не будут иметь ничего общего с натуральными овощами и фруктами. - Открыв дверь, Кирстен оборачивается ко мне, и я одариваю ее той обнадеживающей и благодарной улыбкой, которая не срывает ни на ком, кроме моих сестер. - Ладно, уговорил, - стонет она. - Будешь мне должен.

- Заметано, - соглашаюсь я. Хотя она никогда и ничего с меня не потребует. Как приятно иметь нескольких старших сестер - каждая относится ко мне по-матерински!

На кухне, зарывшись в бумаги, сидит за столом отец. Вот кто, в отличие от меня, похож на Дакса Рипера! Теперь, став владельцем собственной фирмы, отец больше не обязан сам работать руками, но до сих пор не бросил это занятие, поэтому он в наилучшей физической форме из всех знакомых мне пятидесятилетних мужчин. Он мельком смотрит на меня - надоедливового сына, который никак не съедет от родителей, - и задерживает радостный взгляд на Кирстен.

- Не знал, что ты еще здесь.

Фриц, который почитает его как альфа-самца, садится у кресла и с обожанием смотрит на хозяина.

- Нокс уговорил меня играть в свою жуткую видеоигру, - вздыхает Кирстен.

Папа хмурится. Он считает видеоигры потерей времени, в отличие от настоящего спорта, и обычно не прочь сделать мне замечание. А сейчас он протягивает одну из папок и говорит:

– Возьми. В понедельник отнесешь на работу.

– Что это?

– Гарантийное письмо. Мы собираемся нанять нескольких бывших осужденных по делу д'Агостиньо. На днях я получил по почте письмо из «Пока Не Будет Доказано».

Прекрасно! Вот только письмо пришло не по почте. Это я принес его и положил на отцовский стол. С запиской, которую он, само собой, и не заметил.

Кирстен сияет.

– Чудесно, папа! Отличная возможность подать пример местным бизнесменам!

Как ни странно, отца и Кирстен водой не разольешь. Он, консерватор, мачо и представитель старой школы, как ни с кем другим ладит с чрезвычайно милосердной лесбиянкой. Может, дело в том, что они оба инициативные, предприимчивые и к тому же атлетически сложены?

– Да, Нейт – хороший работник, – соглашается отец, сдвигая папку к углу стола. – И представь себе, в прошлом семестре получил отличные оценки по обоим курсам, которые мы оплатили. У парня блестящие способности. Жаль, что ранее их не признавали.

Понятно. Блестящие способности Нейта у нас признали. Ну и пусть.

– Великолепно, что ты много делаешь для Нейта, – говорит Кирстен с такой теплотой в голосе, что я начинаю ощущать себя полным придурком. Ничего не имею против Нейта, но не могу избавиться от чувства, что отец не возражал бы именно его видеть своим сыном. Пока я надеваю толстовку, сестра добавляет: – Пап, а давай с нами на ланч? Мы собрались в «Горячие крылышки». – На последних словах она слегка кривится.

– Нет, спасибо. Мне нужно поработать. Заканчиваю оформлять нашу заявку относительно гаража возле молла. Уже сколько времени эта стройка стоит беспризорная – заходи кто хочет! Смотреть противно! Да к тому же рискованно. – Он хмурится и смотрит на меня. – Один из моих парней говорит, будто, по слухам, ребятня повадилась срезать путь через площадку. Нокс, ты об этом что-нибудь знаешь?

– О чем? Нет. Разумеется, нет! – почти выкрикиваю я излишне громко и категорично. Черт, он меня когда-нибудь доведет до нервного срыва!

Отец хмурится сильнее, и Кирстен тянет меня за руку.

– Ладно, мы пошли. До скорого! – Мы выходим, и лишь на полпути к машине сестра обращается ко мне: – Нокс, у тебя на лице все написано. – Она достает из сумки ключи и прицеливается в свой серебристый «Цивик». – И прекрати шляться по заброшенным стройкам!

Суббота выдалась солнечной, но прохладной. Я забираюсь на переднее сиденье и поднимаю капюшон толстовки.

– Всего-то пару раз.

– Как самая старшая твоя сестра, – говорит Кирстен, устраиваясь рядом, – я обязана напомнить тебе, насколько это небезопасно. Учти, я тебя предупредила. – Она поворачивает ключ зажигания, и тут же в машине раздаётся оглушительная музыка. Мы оба вздрагиваем. Вечно забываю, что сестра включает радио на всю катушку, когда едет одна. – Извини. – Она убавляет звук и, взглянув в зеркало, сдает назад. – С этой жуткой игрой в охотника за сокровищами мы даже не поговорили толком. Кстати, убить меня – свинство с твоей стороны. Ну ладно, проехали. Какие новости? На работе, в театральной студии, в школе?

– Нормально. Абсолютно нормально.

Сестра включает поворотник и начинает выруливать на дорогу.

– Почему всего лишь нормально?

С чего начать, я не знаю. Однако начинать не приходится – звонит телефон Кирстен, и она лезет в сумку, не отпуская педаль тормоза.

– Подожди минутку. – Сестра передает трубку мне. – Это Кэти. Включишь громкую связь? – Я нажимаю кнопку, и Кирстен продолжает: – Привет, Кэти. Я в машине с Ноксом. Как дела?

Из динамика доносится неестественно тонкий голос моей второй по старшинству сестры. Кэти с ужасом принимается тараторить, что они розовые, а должны быть персиковыми... или наоборот.

– Кэти, постой. – Кирстен медленно сворачивает на главную улицу, ведущую к «Бэйвью-центру». – Я ничего не понимаю. Ты насчет цветов, что ли? Капризная невеста! Ладно, что-нибудь придумаю.

Стараясь не слушать болтовню сестер, я с дурным предчувствием снимаю блокировку со своего телефона. Наверняка вся школа в эти выходные тоже ожидает сообщений от Невидимки. Однако пока что ничего. Я решил для себя, что очередная жертва, кем бы он ни был, примет Вызов, и теперь не знаю, чего ждать. Игра вышла на новый уровень, и мы вступили на неизведанную территорию. Саймон до такого не додумался бы.

Есть ли что-то неправильное в моей, не знаю, как это назвать... заинтересованности? Наверное, нет – после того, что случилось с Фиби. Не говоря уж о прошлогоднем надолго затянувшемся «шоу», когда целый месяц знаменитую Четверку поливали дерьмом. Но сейчас это вроде видеоигры, и я на нее странным образом подсел. Мог бы просто заблокировать этого Невидимку, и дело с концом. Так ведь нет! И насколько я знаю, вряд ли кто в «Бэйвью-Хай» его заблокирует. Что там на днях говорила Люси Чен за ланчем? Группа риска? Верно. Мы поставлены в условия, когда не можем не выбрать правильную подсказку, подобно простимулированным лабораторным крысам.

Или леммингам. Любимый термин Саймона.

На экране выскакивает сообщение от Мейв:

Привет, в пятницу собираемся компанией. Бронвин приедет. Ты с нами?

Наверно, – отвечаю я. – У нее весенние каникулы?

Нет, просто выходной. Эштон устраивает девичник. А еще мы идем на мюзикл «В леса».

Мейв добавляет улыбающуюся эмодзи. Я влюблен в этот мюзикл – мы его уже несколько недель репетируем – и потому посылаю в ответ целых три такие же рожицы. Вокальный диапазон у меня минимальный, что ничуть не помешало получить главную роль, ибо я один из немногих представителей сильного пола в театральной студии. Теперь горло постоянно болит от нагрузки, да к тому же репетиции перекрываются с моим графиком работы в «Пока Не Будет Доказано».

Странно и несколько некомфортно осознавать, что ты начинаешь перерастать то, что ранее составляло почти всю твою жизнь. Особенно если не знаешь, что дальше делать с собой. Пока мое самое большое достижение в «Пока Не Будет Доказано» – поддержка Сандипа по вопросу переименования конференц-залов. Но мне там нравится. Будь возможность, я бы взял больше часов.

Пока Кэти наконец успокаивается, мы успеваем добраться до центра. Кирстен бросает на меня виноватый взгляд, сворачивая на парковку напротив «Крылышек».

– Прости, пришлось оказать, цитата, скорую флористическую помощь, конец цитаты. Ну ладно. А кто прислал сообщение, пока я тебя игнорировала?

– Мейв.

Телефон у меня почти разрядился, и я выключаю его и кладу в карман.

– Ах, Мейв... – с ностальгией в голосе вздыхает Кирстен. – Одна из ушедших... – Она паркуется и заглушает двигатель. – Я имею в виду от меня. А ведь я соединила вас в одно целое. То есть объединила ваши имена. Я тебе не говорила? Послушай, как звучит: Нейв! – Я со стоном открываю дверь. – А ты в порядке? Не хочешь поговорить?

Сестра всегда задает такой вопрос, и я всегда отказываюсь.

– Конечно же, я в порядке. Мы расстались уже давно.

Мы выходим из машины и направляемся к выходу с парковки.

– Знаю, знаю. Только не могу взять в толк почему. Вы были идеальной парой!

Вот один из таких моментов: как бы я ни обожал своих сестер, порой хочется иметь старшего брата. Или близкого друга, который знает толк в девушках. Почему мы с Мейв не стали идеальной парой, я не хочу обсуждать с Кирстен. И вообще с кем угодно.

– Мы с Мейв отличные друзья.

– Да, замечательно... – Кирстен останавливается настолько резко, что я чуть ее не сбиваю. – Что за толпа? Или здесь по субботам всегда так?

Ресторан прямо перед нами, и действительно – на тротуаре яблоку негде упасть.

– Обычно нет, – отвечаю я, и стоящий впереди парень оборачивается на голос. В первый миг я его не узнаю – мы ни разу не виделись за пределами школы. Потом до меня доходит: Маттиас Шредер собственной персоной, хотя и вне привычной среды обитания. Выглядит как пугало огородное: высокий, тощий, в мешковатой одежде. Жидкие соломенные волосы, и при всем этом необычно темные глаза.

– Привет, Нокс, – говорит Маттиас безо всякого выражения. – Цыпленок.

– Э-э? – переспрашиваю я. Это что, шифр? Мне следует ответить что-то типа «Ворон прилетает в полночь»? Кирстен выжидающе смотрит на меня, видимо полагает, я сейчас ее представлю. А я не знаю, что сказать. Это Маттиас. Прошлой осенью его временно исключили из школы за сайт-двойник Келлехера. Мы с ним до сих пор ни разу словом не перемолвились.

Маттиас указывает куда-то наверх длинным пальцем, и я перевожу взгляд на крышу... Невероятно! Где были раньше мои глаза? Бусы из красных сердечек на шее надувного цыпленка наконец исчезли, но исчезла и голова! Как таковая она, наверное, на месте, однако кто-то водрузил поверх нее нечто похожее на голову от маскарадного костюма Дикого Кота, талисмана Бэйвью. И теперь фигура

превратилась в гигантского фрика, Котоцыпа. Зрелище завораживающее! Краем глаза я поглядываю на возмущенное лицо Кирстен и фыркаю, стараясь удержаться от бурного хохота.

- Боже мой, - бормочет сестра. - За что ж его так?

- Месть яппи? - Эту версию я немедленно отбрасываю. Люди, которые жалуются, что надувной цыпленок уменьшает стоимость их недвижимости, не получают удовольствие от подобной проделки.

- До тебя не дошло? - спрашивает Маттиас, уставившись на меня. Черт, все-таки он ненормальный. Мейв говорила: «Он просто одинок». Может, и верно. Но тогда верно и то, что он ненормальный. Я не сомневаюсь - такие вещи взаимосвязаны.

У меня бурчит в животе. Желудок знает - мы в непосредственной близости от «Крылышек», и негодует по поводу задержки.

- Не дошло что? - нетерпеливо спрашиваю я.

- Всегда принимай Вызов! - Маттиас церемонно салютует мне, разворачивается на каблуках и исчезает в толпе.

Кирстен совершенно озадачена.

- О чем он?

- Сам не пойму, - смущенно отвечаю я и снова включаю телефон. Два новых сообщения от Невидимки:

ЗАДАНИЕ: прикрепить голову Дикого Кота к цыпленку над «Горячими крылышками».

СТАТУС: выполнено Шоном Мердоком. Мои поздравления, Шон. Отличная работа.

Ко второму сообщению прилагается фото Котоцыпа. Снято с близкого расстояния, явно кем-то, кто стоял совсем рядом. Кругом темно - очевидно, перестановка голов осуществилась минувшей ночью, хотя пик внимания

пришелся на время ланча, когда в «Крылышки» начала стекаться публика.

На экране всплывают все новые и новые сообщения. «Бэйвью-Хай» шлет комменты Невидимке.

Полный улет!

Хахаха

Ржунимагу

Эпично, Шон!

На душе становится погано. С первого же года учебы в «Бэйвью-Хай» Шон – в компании с Брэндоном Уэбером – превратили мою жизнь в ад своими издевками в стиле «Сколько книжек Нокса поместится в унитаза». И даже сейчас Шон обожает спрашивать: «А правда, что твоя сестра гейская подружка?» Интересно, какой смысл этот неандерталец вкладывает в свои уродские издевки. Если я хочу, чтобы с кого-то в Бэйвью новая игра сбила спесь, так в первую очередь с него. Увы, теперь Шон может зазвездеть еще больше.

Ведь таким, как Шон с Брэндоном, все легко сходит с рук.

– Твой телефон сейчас воспламенится, – говорит Кирстен. – О чем пишут друзья?

Я засовываю трубку в карман. Если бы так же легко выключить мою бессмысленную злость!..

– Какая-то дурацкая рассылка. По ошибке. Они мне не друзья.

И Невидимка тем более. Я должен был догадаться с самого начала.

Глава 7. Мейв

Четверг, 27 февраля

Я улыбаюсь Бронвин.

– До сих пор не верится, что ты здесь.

– Я была дома меньше двух месяцев назад, – напоминает сестра.

– Ты изменилась, – говорю я.

Вообще-то это не так. Я хотела сказать, что стала более милой прическа – косичка заплетена на одну сторону; в остальном Бронвин все та же. По-прежнему не расстаётся с изрядно заношенным любимым кашемировым свитером – даже приходится засучивать рукава, чтобы скрыть обтрепанные манжеты. А для меня, когда Бронвин рядом, весь остальной мир кажется ярче. Даже меню на черной доске в кафе «Контиго» выглядит объемным.

– Обещай, что ты вернешься домой заканчивать магистратуру, о'кей?

– Может, тебя самой к тому времени здесь не будет. Если вдруг надумаешь отправиться на Гавайи.

– Бронвин, перестань. Мы обе знаем, что я не собираюсь в Гавайский университет. – Я запиваю водой последний кусочек альфахорес, стараясь, чтобы речь звучала непринужденно. С такой интонацией обычно говорят: Я не собираюсь на Гавайи, потому что острова мне не по душе, но не Я не собираюсь на Гавайи, потому что утром у меня опять шла кровь из носа. Впрочем, крови было совсем чуть-чуть, и через несколько минут все закончилось. К тому же у меня нет ни температуры, ни боли в суставах, ни необъяснимых синяков. Так что я в порядке.

А значит, жизнь прекрасна.

Бронвин кладет ложечку на блюдце и напускает на себя серьезный вид.

– Допустим, через пять лет ты можешь поехать куда угодно и делать что угодно. Что ты выберешь?

Ничего. Тема под запретом. Стоит только начать обсуждать с сестрой будущее на пять лет вперед, как все мои отчаянные усилия по фильтрованию информации пойдут насмарку и я расколюсь как орех. Испорчу сестре визит, семестр и миллион других вещей.

- Нельзя сейчас планировать мое будущее. - Я тянусь за очередным печеньем. - Удачи не будет.

- Почему? - Сестра морщит лоб.

Я тычу пальцем на стену. Стрелки больших часов упорно показывают десять - батарейки уже неделю как сдохли.

- Примета плохая. Время в буквальном смысле остановилось.

- Боже, Мейв! - Бронвин закатывает глаза. - Нет такого предрассудка. Это вы с бабушкой сами напридумывали. Кстати, она передает тебе привет. - Теперь сестра живет в Коннектикуте и может часто видеться со стариками. К тому же дедушка до сих пор читает в Йеле лекции. - А еще она говорит, что ты самая лучшая и ее любимица.

- Неужели?

- Каждый воскресный обед с бабушкой и дедушкой у нас превращается в пир в честь ее высочества Мейв. - Бронвин отпивает глоток кофе, внезапно приуныв. - Что ж... если сегодня и так неудачный день, значит, самое время обсудить нас с Нейтом. Думаешь, между нами все кончено? И на этот раз навсегда?

- Бронвин! Да что такое с вами обоими? - вскидываю я голову. Сестра даже открывает рот от удивления. - Почему до вас никак не дойдет? Ваши отношения начались с долгих разговоров по телефону. Так продолжайте в том же духе, наговоритесь за три месяца сразу, и все будет хорошо!

- Ну, не знаю, - грустным голосом произносит она, снимает очки и трет глаза. Я притащила Бронвин сюда прямо из аэропорта, и после перелета через всю страну у нее явно сбились биоритмы. Сестра пропускает несколько занятий ради поездки, и папа от этого не в восторге, а вот мама не устояла перед искушением

еще на денек задержать ее дома. – Мы с Нейтом больше не на одной волне. Когда мне что-то в удовольствие, ему кажется, что он тянет меня назад. – Сестра изображает пальцами кавычки, цитируя Нейта. – А когда он говорит о совместных планах на весенние каникулы, я задумываюсь, не поспешила ли отказаться от интересной волонтерской поездки. Потом мысли перескакивают на дом, где он живет, со всеми этими соседями и девушками, которые круглые сутки приходят и уходят. Я начинаю ревновать, буквально с ума схожу. Как будто я уже не я.

– Верно, – киваю я. – Плюс ты сама живешь в студенческой общаге.

– Понимаю, – вздыхает она. – Что ни делаю, что ни говорю – для него все не так.

Я не допытываюсь, любит ли она еще Нейта. Глупый вопрос. Конечно, любит.

– Ты слишком много думаешь.

Сестра выдавливает из себя смешок:

– Ты так считаешь?.. – Телефон Бронвин вибрирует, и она удивленно приподнимает брови. – Разве уже четыре? Ивэн подъехал.

– Кто? Ивэн Нейман? – Я повышаю голос, произнося фамилию. – Что он здесь делает?

– Мы вместе едем к Юмиго. – Бронвин допивает остатки латте. – У нее собирается куча народа, вся наша бывшая команда по матбою, будем смотреть кино. «Мстители» или что-то в этом роде. Точно не скажу, и не спрашивай. Не по моей части. – Она кладет телефон в сумку, а затем ныряет в нее чуть ли не с головой. – Тьфу ты, неужели не взяла темные очки с диоптриями? В Коннектикуте они почти не нужны. Вечно забываю, куда положила...

– Почему тебя подвозит Ивэн? Разве он не в Калтехе?

Бронвин продолжает рыться в сумке.

– В Калтехе. Но он часто тусуется с Юмико. А в прошлом месяце был в Йеле, в дискуссионном клубе... Ага, вот! – Она наконец поднимает взгляд, держа в руке синий футляр для очков. – Почему ты так на меня смотришь?

– Ивэн?

Она отодвигает стул.

– А что здесь такого?

– Тебя подвозит твой бывший, причем пять минут назад ты бесилась, потому что не можешь разобраться с другим своим бывшим, и в этом нет ничего такого? – Я сцепляю руки на груди. При всем своем уме моя сестра может быть до смешного наивной. – Послушай, я полжизни провела в больницах и то знаю, что это плохая идея.

– Мы с Ивэном просто друзья, которые когда-то давно встречались. Вроде тебя и Нокса.

– Ничего подобного. У нас с Ноксом все по взаимному согласию. А ты бросила Ивэна ради Нейта, и Ивэн до самого выпускного страдал. Стихи писал! Ты забыла «Горнило отчаяния»? А вот я нет. И теперь он готов провести в дороге два с половиной часа, причем в четверг, чтобы посмотреть вместе с тобой «Железного человека»?

– Не «Железного человека», а... – вяло бормочет сестра.

– Соберись, Бронвин! Дело не в названии. Ивэн пылает от страсти! Все видят, кроме тебя. – Я замахииваюсь солонкой, будто это она объята пламенем, и конечно, опрокидываю ее. Снова приходится исполнить ритуал «взять щепотку соли и бросить через плечо». Бронвин, пользуясь моментом, вскакивает на ноги и обнимает меня. Ее водитель ждет у дверей, и я буквально вижу, как в голове у сестры крутятся шестеренки – она просчитывает допустимый коэффициент попадания в неловкое положение в случае своего отказа. И судя по всему, риск слишком высок.

– Мне пора. Увидимся дома. Вернусь к ужину. – Бронвин закидывает дорожную сумку на плечо и идет к выходу.

– Не прогадай! – кричу я вдогонку и окидываю взглядом кафе.

Сегодня смена Фиби. Сейчас она как раз принимает заказ у двух хипстеров в шапочках. С того дня, как Шон Мердок одержал победу над надутым цыпленком, «Бэйвью-Хай» буквально помешалась на новой занимательной игре. Вчера Невидимка разослал новое сообщение: Скоро в игру вступит следующий участник! Тик-так. Теперь народ делает ставки – кто очередной игрок и какой выбор он сделает. Учитывая, чем закончились два первых раунда, большинство ставят на «Вызов».

Похоже, все забыли, что Саймон был реальным человеком и кончил намного хуже, чем те, кого он выбирал в качестве мишеней. А ведь достаточно посмотреть на грустные глаза и запавшие щеки Фиби, чтобы понять – ничего смешного тут нет.

Я достаю из сумки ноутбук и открываю новую версию сайта «Про Это». Котоцып Шона изображен на почетном месте. Ниже масса комментариев; те, кто не поздравляет Шона, пытаются расшифровать личность Невидимки.

Это Джена Варгас, ребята! Решила закончить дело Саймона.

Вот чему не верю, тому не верю. Почему-то Бэйвью не может оставить в покое бывшую подружку Саймона даже после окончания школы. Сейчас Джена в Сиэтле, учится в колледже; вряд ли она вдруг решила вернуться.

Это псих Маттиас Шредер, я знаю.

Это Саймон собственной персоной. Он не умер. Просто хочет, чтобы мы считали его покойником.

Открываю новую вкладку в браузере и печатаю в окне поиска AnarchiSK – ник, которым пользовался Саймон. Я периодически гуглю это имя, с тех пор как в свое время выясняла, кто стоит за ним вместо Саймона. Находятся тысячи результатов, в основном прошлогодние заметки с новостных сайтов, и я сужаю

поиск до последних суток. Остается одна ссылка – подфорум на Reddit. Ого. В адресной строке присутствует слово «месть»!

У меня начинает покалывать в затылке. Саймон раздражался длинными постами на форуме под названием «Я мститель», но не здесь, а на «Форчане». Это я знаю точно, недаром часами рылась в Сети, прежде чем отправить ссылку на передачу «Следствие ведет Мигель Пауэрс». Мигель сделал серию репортажей о смерти Саймона, и как только история попала в центр внимания, форум мстителей рухнул под натиском случайных посетителей и захлестнувших его фейков. А через какое-то время и совсем накрылся.

А может, это я решила, что накрылся?.. Долю секунды, пока ссылка загружается, слова Он не умер. Просто хочет, чтобы мы считали его покойником не кажутся такими уж надуманными.

Однако ветка почти пуста, за исключением пары постов.

Осьминог:

Мой учитель сука. Если сам от меня не отвалит, я убью его взаправду.

Осьминог:

Сегодня я чуть не дал ему в морду. ЛОЛ.

Темный Дух:

Теперь тебе нельзя его убивать. Что нам говорил AnarchiSK? Не будьте банальными. Не поступайте так, как от вас ждут.

Осьминог:

На хрен этого чела. Он дал себя вычислить.

Дверь открывается, и в кафе входит Луис в выцветшей футболке с логотипом Городского колледжа Сан-Диего и бейсболке козырьком назад. Заметив меня, он едва заметно выставляет подбородок. У них с Купером есть такой жест, принятый у спортсменов: Я тебя увидел, но я слишком крутой, даже махнуть рукой некогда. Затем, к моему удивлению, Луис меняет курс, направляется прямо ко мне и плюхается на стул, где только что сидела Бронвин.

– Чем занимаешься, Мейв?

Пересчитываю лейкоциты в своей крови. Боже, я еще шучу.

– Да вот сижу, скучаю. – Я отодвигаю ноутбук в сторону. – Ты прямо с занятий?

– Ага. Бухучет. – Луис недовольно морщится. – Не самый мой любимый предмет. К сожалению, не получается проводить весь день на кухне. – Он изучает ресторанный бизнес, чтобы в будущем открыть свое кафе. Вот никогда бы не подумала! В школе Луис был лидером.

– Ты, наверное, соскучился по Бронвин. – Я пробую догадаться, почему Луис подсел ко мне за стол. Они с сестрой не сказать чтобы очень дружны, но часто бывают в одной компании. – Она у Юмико, если тебе... – Тут я запинаюсь, потому что диаграмма Венна общих интересов Луиса и Бронвин перекрывается всего в одной точке – по имени Купер. И я совершенно уверена, что Луис не планирует присоединиться к устроенному бывшими матбойцами кинопоказу.

– Не волнуйся. – Луис широко улыбается и вытягивает ноги под столом. Я так привыкла сидеть здесь в обществе Нокса, что само присутствие Луиса приводит в некоторое замешательство. Он занимает большее пространство как физически, так и... психологически, если можно так выразиться. Нокс всегда какой-то смущенный и неловкий, словно не должен находиться там, где он есть. А Луис ведет себя по-хозяйски. Правда, кафе принадлежит его родителям, и в данном случае он действительно отчасти хозяин. Но все же в нем есть какая-то легкость, может быть, от того, что он всю жизнь занимался спортом и много общался с людьми. – Вообще-то у меня вопрос именно к тебе.

– Ко мне? – Я заливаюсь краской и, чтобы скрыть это, опираюсь подбородком на сложенные руки. Ну почему я постоянно тянусь к молодым людям, которые меня

либо игнорируют, либо обращаются как с младшей сестренкой? Что поделаешь, нет у меня защитной реакции против красивых накачанных спортсменов.

- Ты окончательно здесь поселилась?

- Что? - Я хлопаю глазами, то ли от недоумения, то ли от того, что меня застали врасплох.

- Ты проводишь в кафе больше времени, чем я, а ведь мне за это платят.

В его темных глазах вспыхивают задорные искорки, и у меня екает в животе. О ужас. Неужели подумал, что я прихожу сюда ради него? Конечно, меня радует вид Луиса в обтягивающей футболке, но неужели на мне это написано?

Я прищуриваюсь, стараясь настроиться на невозмутимый тон.

- Твое искусство общения с посетителями оставляет желать лучшего.

- Неправда! - хохочет Луис. - Я просто усомнился, знакомо ли тебе понятие «внешний мир». Говорят, там солнце, свежий воздух, ну и все такое.

- Чистейший вздор и домыслы. Снаружи ничего нет. Кстати, я вношу свою лепту в экономику Бэйвью. Поддерживаю местный бизнес. - Я допиваю остатки воды из стакана, чтобы заставить себя замолчать. Так долго я еще никогда не общалась с Луисом тет-а-тет, и столько сил потратила на показное равнодушие, что наговорила сама не знаю что.

- Тогда закажи что-нибудь, кроме кофе, - предлагает Луис, и я смеюсь против своей воли.

- Вижу, занятия по бухучету начали окупаться. - Он смеется в ответ, и я наконец расслабляюсь, даже лицо перестает гореть. - Ты хочешь в один прекрасный день взять на себя руководство? Стать хозяином кафе «Контиго»?

- Скорее всего, нет. Это территория моих родителей. А я хочу что-то свое. Меня больше интересуют огромный зал, изящная обстановка... Папа считает, что у меня мания величия. - Он понижает голос, копируя отца: - «Tienes el ego por las

pubes, Luis»[З - Букв.: Забрось свое эго на облака, Луис (исп.)].

Я улыбаюсь. Эго Луиса давно уже на облаках.

- Однако он наверняка счастлив, что ты интересуешься семейным бизнесом.

- Конечно. Потому что у Мэнни даже тосты вечно подгорают. - Старший брат Луиса, которого зовут так же, как и отца, всегда имел склонность к машинам, а не к кухне. А в кафе он работает с тех пор, как в автомастерской попал под сокращение. - Завтра вечером Мэнни будет у нас на подхвате. Папа весь день твердит: «Только ничего не трогай. Твоя задача мыть посуду». - Луис снимает бейсболку, приглаживает волосы и снова надевает. - Ты ведь тоже придешь? Думаю, Купер сумеет вырваться.

- Купер приезжает? - Я не могу сдержать радость. Все друзья Эдди и Бронвин встречаются в «Контиго» завтра вечером, накануне девичника Эштон, но до этой минуты приезд Купера был под вопросом из-за плотного графика.

- Ага. Папа выделит для нас отдельный зал. - Луис показывает на арочный проем в дальнем конце помещения, за которым находится небольшая приватная зона, отделенная шторой с подвесками. - Надеюсь, большого столпотворения не будет, но ведь публика прослышит о приезде Купера. Обычно за столом помещаются человек десять. - Он начинает загибать пальцы. - Я, ты, Куп, Крис, Эдди, Бронвин, Нейт, Кили... кто еще? Твой бойфренд будет?

- Э-э... ты имеешь в виду Нокса? - Луис кивает. - Он мне не бойфренд. Мы сто лет как расстались.

- Неужели? - Луис приподнимает брови. Как всегда - человек окончил школу и немедленно выпал из круга сплетен. - А почему тогда он ходит за тобой как привязанный?

- Ну, мы остались друзьями. Хотя между нами больше ничего нет.

- Х-м... - Он окидывает меня взглядом, и мои щеки вновь вспыхивают. - Интересно.

– Луис! – Из кухни высовывается голова мистера Сантоса. Он намного ниже и коренастее, чем любой из его сыновей – даже самый младший, которому нет и двенадцати; все дети ростом пошли в маму. – Ты сегодня работаешь или флиртуешь?

Я поспешно придвигаю к себе ноутбук и опускаю голову. Лучше изобразить занятой вид, чем признаться в уязвленном самолюбии. Так увлеклась беседой, что почти забыла: для Луиса это стандартная процедура. Он в совершенстве владеет искусством расточать обаяние – не зря половину завсегдаево «Контиго» составляют девушки в возрасте от четырнадцати до двадцати.

Луис вскакивает с места и пожимает плечами.

– Пап, я в многозадачном режиме!

Мистер Сантос поворачивается ко мне, с преувеличенной озабоченностью сдвинув брови.

– Он пристает к тебе, миха? Скажи только слово, и я его вышвырну!

Я выдавливаю из себя улыбку.

– Он всего лишь выполняет свои обязанности.

Луис резко тормозит и бросает на меня взгляд, который я не в состоянии расшифровать.

– Тебе принести что-нибудь? Кофе или... кофе?

– Нет, спасибо.

– Принесу тебе горячие кексы, – бросает он через плечо и исчезает в кухне.

Проходящая мимо Фиби опускает пустой поднос на мой столик, глядя вслед Луису.

– А звучит почему-то как намек, – задумчиво произносит она. Затем пинает меня ногой и добавляет, понизив голос: – Какой парень! Смотри не упусти.

– Мечтать не вредно, – бормочу я, старательно изучая экран компьютера, и вскрикиваю от боли – Фиби снова пинает меня, на этот раз сильнее. – Ой! За что?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«В леса» – мюзикл Джеймса Лэпайна по мотивам сказок братьев Гримм. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Прошу тебя, Боже, пусть я лягу на ее место. Возьми меня вместо нее. Прошу тебя (исп.).

3

Букв.: Забрось свое эго на облака, Луис (исп.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/makmanus_karen/odin-iz-nas-sleduyuschiy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)